

СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
13 1960

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

13 МАЯ 1956

Год издания тридцать седьмой

Первая дозна Казакстанской Магнитки дала чугу! Дозна — подарок комсомольцев и молодежи к июльскому Пленуму ЦК КПСС. На этом снимке вы видите, как рядом с первой дозна уже растет вторая. Репортаж нашего специального корреспондента с этой крупнейшей в стране комсомольской стройки публикуется на стр. 6.

О НЕОБЫЧНОЙ
НАХОДКЕ
В НОГИНСКЕ
читайте на стр. 9.

Загадка
Млечного
Пути.

Стр. 14

ЧИТАЙТЕ
В ЭТОМ НОМЕРЕ
НА СТР. 18
НЕ ПУБЛИКОВАВШИЙСЯ
РАНЕЕ
РАССКАЗ
А. ГРИНА

На стр. 20 вы найдете
статью Ю. НАГИБИНА
о творчестве молодого
скульптора
ЭРНАСТА НЕИЗВЕСТНОГО.

ДВАДЦАТЬ
ИНТЕРВЬЮ
ЧЕМПИОНА МИРА
МЕХАНИКА ТАЛИН.
Стр. 30.

**«МОЖЕТ БЫТЬ,
Я ПОСТУПИЛА
НЕПРАВИЛЬНО!»**

Очередная почта принесла в редакцию небольшое письмо, написанное аккуратным ученическим почерком, в котором рассказывается об интересной и трудной судьбе.

Вот это письмо:

«Дорогая редакция! В 7-м номере вашего журнала я прочла статью «Они спасли Тоюю. Меня очень волнует дальнейшая судьба этой девушки. Как сейчас она себя чувствует? Мне очень хочется передать ей и ее друзьям большой привет.

Дело в том, что случившееся со мной похоже на происшедшее с Тоной. По путевке комсомола я приехала на работу в город Актюбинск, окончила курсы и стала машинистом башенного крана. Мне очень нравилась моя специальность. Я гордилась тем, что могу управлять такой громадной машиной. Меня часто спрашивали:

— Тома, а не страшно тебе на такой высоте?

— Нисколько! — смеялась я.

Осенью 1956 года случилось несчастье: я упала вместе с краном. Вначале у врачей не было надежды на мое выздоровление. Около двух месяцев я лежала вообще без движения. Сквозь полузабытые слышала шепот:

— До чего жалко ест Такая молодежь... Выживает ли?

Когда я стала выздоравливать, все решило, что это — чудо, даже врачи. Но это не было чудом. Просто слишком много людей думало обо мне, заботилось обо мне. Днем и ночью знакомые и незнакомые друзья звонили в больницу, часами простаивали под окнами моей палаты. Никогда не забуду внимание ко мне хирурга Михаила Андреевича Долова. С каким терпением, с какой любовью прощивал он ночи у моей койки! А врач Олег Дмитриевич Сториченко? А медсестры и нянечки?

Только самый дорогой мне человек, узнав, что я могу не поправиться, все реже и реже заходил ко мне. А потом и вовсе перестал. 7 ноября мы с ним поженились, а 20-го со мной случилось это несчастье.

Больше всего я боялась, что не смогу работать на кране. Но, видно, настойчивость моя победила. Снова весь город у меня как на ладони.

Мой муж узнал, что я поправилась, пришел просить у меня прощения. Не знаю, может быть, я поступила неправильно, но я не простила его...

Тамара ВАСЕНДИНА

г. Актюбинск.

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя это письмо, мы надеемся, что читатели журнала помогут Тамаре разобраться в ее сомнениях. Давайте подумаем вместе, друзья!

НАВСТРЕЧУ
ПЛЕНУМУ
ЦК КПСС

Фото В. Сянна.

ОТКРЫТИЕ, КОТОРОЕ ЭКОНОМИТ МИЛЛИАРДЫ

«ЗАМАНЧИВО, НО НЕВОЗМОЖНО»

Все началось с того, что Эммануил Левичий, старший лаборант Института нефтехимического синтеза Академии наук СССР, натолкнулся на серьезное противоречие в современной химической технологии. Один из самых распространенных катализаторов — так называемая активная окись алюминия — очень дорог. На изготовление этого ускорителя реакций, незаменимого во многих отраслях промышленности, расходуются большие средства. А между тем получают его из дешевого сырья — глинозема.

Нельзя ли упростить и удешевить сложный процесс? Научные книги, брошюры и рефераты не подсказывали Левичиному подходящего решения; порой в них открыто отставалась универсальность прежнего метода.

И все-таки решение пришло. Из хвоста гипотез и расчетов постепенно выкристаллизовалась четкая формула всего процесса. Она была так проста и убедительна, что Эммануил рискнул обратиться к известному ученому-химику. Тот внимательно рассмотрел проект, уместившийся на одной страничке, и взглянул на Левичего:

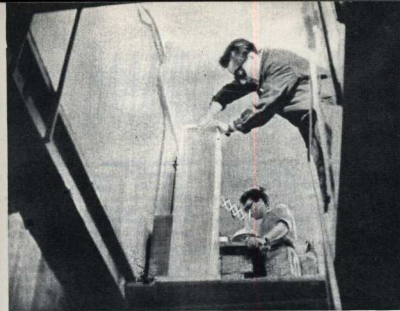
— То, что вы предлагаете, очень заманчиво. Более того, в успешном решении этой проблемы заинтересована вся нефтеперерабатывающая промышленность. Но ваш вариант вряд ли приемлем: такая реакция невозможна.

Что мог привести Эммануил в защиту своего проекта? Надо было доказать на деле возможность такого процесса. А для этого нужен труд целого коллектива — химиков, технологов, металлургов. Но где найти помощников?

...Это было на Красной площади 28 октября 1958 года, где шел митинг, посвященный сорокалетию ВЛКСМ. Эммануил Левичий и Саша Розовский, комсорг Института нефтехимического синтеза, прислушивались к словам ораторов, говоривших о легендарных делах комсомола.

— Ты знаешь, — Саша потянул Левичего за рукав, — у меня идея! В одном нашем Ленинском районе десятки разных институтов... Есть и химики и все, что тебе нужно. Понимаешь? Тип геня-отшельника, изобретателя-одиночки давно пора в паноптикум... Кто тебе еще поможет, если не комсомола?

Через несколько дней Розовский и Левичий зашли к секретарю Ленинского райкома комсо-

молу Юлию Харламову. Разговор был большой и горячий.

— Итак,— сказал в конце Харламов,— создаем при райкоме группу молодых исследователей. Работаете вы добровольно, в свободное время и, разумеется, без всякого вознаграждения. Плата за изобретение пойдет в комсомольскую копилку района.

На другой день райком прислал в комсомольские организации разных институтов письма с предложением примкнуть к создаваемой группе.

НЕТ, ВОЗМОЖНО!

В переписке между лекциями на кафедре неожиданно поднялся Юрий Титов, председатель научного студенческого общества Института цветных металлов. Четверокурсники притизли.

— Тут есть одно интересное дело — исследование новой проблемы,— сказал он.— Кто хочет поработать, зайдите в комитет.

После занятий в комитет комсомола устремилась большая группа студентов.

— Вот знакомьтесь,— встретил их Титов,— Эммануил Левичкин. Он расскажет вам о своем изобретении.

Тогда и был впервые назван оксихлорид алюминия. Собственно говоря, ребята и раньше слышали про эту соль. Она была открыта за много лет до исследования Левичкина. По негласному приговору химиков, оксихлорид был отнесен к той группе химических «пустоцветов», для которых нет смысла искать применение.

И вдруг Левичкин заявляет, что именно оксихлорид — тот дешевый и короткий мостик, по которому промышленность перейдет от простого глинозема к лучшим образцам активной окиси! Из глинозема — оксихлорид, из оксихлорида — катализатор. Все просто и понятно, как дважды два... кроме одного: получить оксихлорид из глинозема пока никому не удавалось!

Из множества желающих отобраны группа в пять человек. Возглавил ее Борис Щелачев, ныне студент-дипломник. Борис специализировался по тяжелым метал-

лам, но «загадка оксихлорида» настолько увлекла его, что он перешел к «легкотам».

Началась работа. Ломали голову над схемами приборов, пробовали реакцию при разных условиях. Но оксихлорид не появлялся... Литры мутной жидкости с кусками нерастворившегося осадка вываливались в раковину. «Оксихлоридки» пролали кислотами, прогнали все, что на них было. А в рабочем журнале по-прежнему появлялся записи: «Реакция не пошла. Осадок не растворился...»

Однажды вечером ребята сидели в лаборатории, усталые и злые. Пора было по домам. Гая Шербак пошла выключить горелку, и вдруг раздался ее возглас:

— Растворился!

Все бросились к установке. В стакане, который случайно забыли на горелке, колыбалась прозрачная, как родниковая вода, жидкость... Значит, надо было просто подольше греть смесь. Невозможное свершилось!

Как жезловое доказательство реальности задуманного дела, оксихлорид решили показать в райкоме комсомола. Для этого специально приготовили бутылочку. Но когда стакан с оксихлоридом достали из шкафа, вместо жидкости в нем оказалось тугое, прозрачное желе. Оксихлорид не только существовал — он проявлял уже свои свойства...

Идет важный эксперимент.

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

Теперь, когда производство оксихлорида становилось недорогим и простым, предстояло всесторонне изучить его свойства. Этим делом занялась группа молодых энтузиастов из Московского университета под руководством младшего научного сотрудника Виктора Максимова.

Первые же опыты показали, насколько таинственным оставалось для науки это соединение. Оксихлорид проявлял совершенно невероятные для солей алюминия свойства, не вступал в обычные, «неизбежные» реакции и, в конце концов, исследователей, вдруг открывал перед ними какую-нибудь замечательную особенность. Виктор Максимов должен был также проверить: нельзя ли заменить оксихлоридом другие, дорогостоящие соли алюминия, которые в огромных количествах потребляются разными производствами?

Начали с воды. Что, казалось бы, может быть дешевле водопроводной воды! А между тем ежегодно на водочистку уходит сотни миллионов рублей. Даже после того, как вода отстоялась в резервуарах и прошла через чуткие фильтры, ее продолжают обрабатывать. В воде есть mirиады частиц-бродяг, которые настолько малы, что их не удается удержать никакими фильтрами. Их удерживают непослушные частицы и сбивают в комки, которые опускаются на дно. Для этого в водочистных сооружениях ежегодно расходуются десятки тысяч тонн дорогостоящего сернистого алюминия.

Виктор Максимов по поручению бригады поехал в ВОДГЕО. В этом научно-исследовательском институте изучаются свойства воды из всех рек и источников Совет-

ского Союза. Работники института решили проверить действие оксихлорида на самых различных «марках» воды. Вскоре из института пришло письмо, извещающее, что оксихлорид удешевляет очистку воды от «бродячих» частиц на 10—15 процентов! В масштабах страны это составляло огромную сумму.

Говорят, бумага все терпит. Поговорка эта неточна, во всяком случае, применительно к бумажному производству. Попробуйте, например, уменьшить содержание сернистого алюминия в бумажном клее! Бумага немедленно ответит на это резким снижением качества, на ней появятся предугадаваемые надписи: «Под карандаш». На такой бумаге чернильная линия расплывается во все стороны тоненькими шпальцами.

А что, если и здесь заменить сернистый алюминий на оксихлорид? Бригада обратилась за помощью к работникам Института бумаги. Вскоре выяснилось, что оксихлорид успешно заменил в бумажном клею своего дорогостоящего собрата. К радости удивленно исследователей, применение оксихлорида при производстве клея в виде (I) сократило расход... каннифол.

После этих открытий ребята поняли, что напали на настоящую золотую жилу и пока поднимают прямо с земли только первые самородки. Главное оставалось вперед.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Работами московских комсомольцев заинтересовались в Ленинградском Центральном научно-исследовательском институте бумаги. Комсомольцы института прислали в бригаду письмо с просьбой приобщить их к этому делу. В Ленинград выехала деле-

Истина, как известно, рождается в споре. Эммануил Левичкин отстаивает свою точку зрения.

гация: Эммануил Левичий и Борис Шеланев.

— Вот здорово: по Ленинграду погуляете! — прощая их, заводили друзья.

Но погулять по Ленинграду не удалось. Сразу же по приезде москвичи сделали сообщение об оксидлориде во Всесоюзном алюминиево-магниево-институте. Слушали их с большим вниманием. А после оживили плотным колцом и буквально засыпали вопросами, на которые делегаты едва успевали отвечать: «Есть ли у вас в совете кандидаты наук?» «Ни одного», «Вызуют ли недооценку из-за авторства?» «Пока не случалось...» «Сколько вам лет, Левичий?» «Двадцать четыре...»

Ленинградцам понравилось начинание москвичей. И они организовали при горкоме комсомола свою группу молодых исследователей под руководством Алексея Ширяева.

Движение разрасталось. В Москве Левичийго ожидало письмо из Харьковского институ-

та основной химии, комсомольцы которого тоже примкнули к исследовательской работе оксидлоридчиков. Харьковчане спрашивали: как-де сам катализатор, получаемый из оксидлорида?

А с катализатором дело обстояло так. На четвертом этаже химического факультета МГУ ребята из группы Виктора Максимова получали из оксидлорида активную окись, катали из нее небольшие шарик и отосидли аспиранту Борису Романовскому. Борис отдал эти шарик на изучение чувствительным приборам, умеющим «читать» молекулы. Легко понять, с каким нетерпением ожидалось каждое заключение Романовского. Как-никак это был конечный, решающий этап их поисков. То и дело настойчиво трещал телефон, и Борис по очереди объяснял всем, что пока ничего не известно... И только после того, как несколько опытов дали одинаковый результат, Романовский сообщил членам бригады, что у них в руках катализатор,

превосходящий по активности промышленные образцы.

Это была настоящая победа! Дело, которое потребовало бы у одного человека доброго десятка лет, было завершено бригадой в полтора года.

И вот снова они собрались в райком комсомола.

Как отлучалось это собрание от города, переложил тогда их было трево, а сегодня молодежь заглянула всю комнату. Секретарь райкома Виктор Ермолин обвел глазами собравшихся. Никто не заставлял их приезжать в райком, как никто не заставлял просиживать вечера над приборами. Никто не обещал этим ребятам за их труд ни денег, ни известности. И все-таки они были тут.

— Я не буду говорить о значении, полученного вами оксидлоридом, — начал Ермолин. — Уже сейчас ясно, насколько оно велико. Мне хочется остановиться на нашей бригаде. По-моему, это — замечательное явление, и у него огромное будущее. У нас есть удивные комсомольские стройки, теперь будут удивные комсомольские открытия... Вот лежит кусочек оксидлорида. Если б его получали обычным путем, он дорого обошелся бы государству. Комсомольцы получили оксидлорид бесплатно. Наша ОКБ, наша «Оксидлоридная» комсомольская бригада, — крайний союз науки и комсомола, и строится этот союз на коммунистических принципах...

ЕЩЕ ОДНО ОТКРЫТИЕ

Не всегда трудным бывает только первый шаг. Последний тоже потребовал немало усилий. Дело в том, что катализатор нам более долговечен, прочен и удобен в форме маленьких шариков, напоминающих гомеопатические пилюли. А промышленное изготовление их — процесс сложный и дорогой.

...У Левичийго есть заветная тетрадь. Она исписана от корочки до корочки. В тетради — результаты двухсот опытов. Сколько раз после очередной неудачи Левичий убрал ве подальше от глаз! Но проходило время, и все начинало снова...

И вот недавно Эммануил пригласил членов совета знаменитых — как «кукья» нового открытия. На сей раз это переносное понятие вполне соответствовало своему прямому смыслу.

В углу лаборатории стояла мезюрная плексигласовая колонна, наполненная аммиачной водой, на поверхности которой плавал керосин. Из укрепленной над колонкой жестяной коробочки через дырочки в дне капал оксидлорид. В керосине он образовывал ступе-

нистые, крепкие шарик, превращавшиеся в аммиак в активную окись. Из отводного шланга на дуршлаг падали белые шарик готового катализатора. Их открывали ложкой-шумовкой, раскладывали на противне и отправляли в печь сушиться.

Ребята были потрясены. Чтобы понять остроумное изобретение этой установки, достаточно один раз посмотреть на неуклюжие, громоздкие приспособления, которые стоят сейчас на заводах и пожирают огромные средства.

Если раньше тонна активной окиси стоила от 25 до 40 тысяч рублей, то теперь, с применением нового способа, — не более 2 тысяч!

Значение этих усовершенствований станет ясным, если напомнить, что ни современная нефтепереработка, ни производство синтетического каучука, ни массовое изготовление азотных удобрений или котельных топлив просто неммыслимы без этого катализатора. Здесь счет идет не на сотни, а на миллионы тонн катализатора в год.

Корреспондент одной из московских газет обратился к членам бригады:

— Скажите, что даст стране ваше открытие?

Комсомольцы колебались: экономика еще не дала своего заключения.

— Ну, хотя бы приблизительно, скажем, за семь лет — полмиллиона рублей, миллион!

Ребята переглянулись: — Пока мы твердо рассчитываем на миллиард...

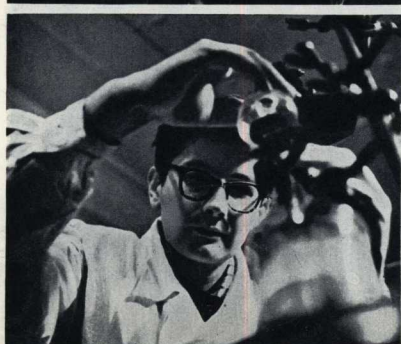
Недоверчивый корреспондент принял ответ за неуместную шутку. Однако ребята несколько не прувеличивали.

Бригада получила уже несколько авторских свидетельств на открытия и усовершенствования. Настало время предложить новый процесс государству: следующий этап работы требовал промышленных установок.

Госплан СССР и Государственный комитет Совета Министров СССР по химии живо заинтересовались открытием комсомольцев, сулящим огромную экономию. Харьковский институт основной химии и Всесоюзному алюминиево-магниево-институту предложено в кратчайший срок довести исследования до конца. Намечается уже сооружение опытно-промышленных установок по производству оксидлорида.

Вот, пожалуй, и весь расказ о рождении двух открытий: нового метода получения катализатора и замечательной формы работы комсомола в науке. Будущее еще покажет их истинную ценность.

Т. ИЛАТОВСКАЯ

Самая тонкая, ювелирная работа — определение активности катализатора — досталась на долю Бориса Романовского (верхний снимок).

Ответственный момент: Виктор Максимов показывает окись алюминия.

ВЛАДИВОСТОК СТО ЛЕТ

Сто лет! Для человека это много, но для города — такой возраст, обрало говоря, — возраст детский. Многие ныне славные города в течение первого столетия оставались малоизвестными и разве что становились побольше да помоложе. Поселение Владивосток, основанное сто лет назад горской русской людей на совершенно пустынный тогда берег бухты Золотой Рот, несмотря на свою громадную удаленность от центра России, за 100 лет выросло в большой современный город. У Владивостока — этого далекого, но нашего города — славное революционное прошлое. У него во много славное и настоящее. Особенно заметно вырос и стал еще более красивым город за последние годы.

В свое время мне пришлось служить на Тихоокеанском флоте — и помимо довоенный Владивосток — город рыбаков и строителей, город рабочих и моряков. Пережились сиреными, дымил на рейде корабли, деловито шумели в порту лодки и яхты, заводы слышали гудками рабочих. А по вечерам в садиках вдоль набережной гремела музыка, слышались веселые матросские песни, и вострые девичьи платья топили в море синих воротничков и белых бескозоров.

Я хорошо помню Владивосток военных лет — суровый, опятающийся фениками, строгий и податливый, как солдат на посту. Город стоял на своем нелегком посту, город нес неусыпную вахту по охране наших дальневосточных рубежей еще трудные годы Отечественной войны.

Таким мне и запомнился Владивосток — город-труженик и город-воин.

И вот опять я в нем, в этом памятом для меня городе с великой судьбой города.

На этот раз я впервые увидел Владивосток с воздуха. Наш «ТУ-104» шел на посадку. И даже с высоты город показался мне большим, куда больше того, каким я его знал когда-то. И больше и красивой. День был солнечный, и здания, окмывающие город, сверкали и искрились, как дорогая оправа.

По дороге с аэродрома мои соседи оказались двое мужчин — с маленькими портфельчиками и большими портфелями. Они оживленно разговаривали. Я прислушался. Разговор шел о Владивостоке. Причем название города часто повторялось в сочетании с прилагательным «большой». Большой Владивосток. Поначалу можно было подумать, что речь идет просто о размерах города. Но в разговоре часто Крайдармтеатра, цирка, научный институт Дальневосточного филиала Академии наук, музей, Дворец пионеров.

Я знал, что драмтеатр в городе имеется, цирк — тоже и музей есть. А вот насчет Дворца спорта или научного городка слышать что-то не приходило.

Как потом выяснилось, один из моих спутников оказался главным инженером отдела капитального строительства Владивостокского горисполкома. Он побывал в Москве и Ленинграде, где знакомился с работой организаций,

занихтых проектированием Большого Владивостока.

Кроме Дворца спорта, Дворца пионеров, научного городка, по генеральному плану Большого Владивостока будет построено еще несколько Дворцов культуры, более десяти кинотеатров, здание картинной галереи, новые научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения. Жилищный фонд за семилетку намечается увеличить — ни много, ни мало — вдвое!

Мое второе знакомство с Владивостоком было радостным. Я шел по городу и то тут, то там видел новые здания, молодые скверы. Да что там новые здания! Я увидел старые кварталы, горки, построенные ранее.

Так называемый Гнилой Угол я не узнал совсем. Я хорошо помнил этот район Владивостока: пыльный и вайро, непролазный в дождь, редко и кое-как австроиндий одностаями домичками. Одним словом, настоящий Гнилой Угол. Но где он сейчас? Что от него осталось? Светлые кварталы четырех- и пятиэтажных домов с садиками внутри каждого двора радуют глаз своей опрятностью и чистотой. Асфальт, зелень. Ничего похожего на то, что было когда-то. Изменилось и название. Его, это новое название, владивостокцы проносят с гордостью: Зеленый Угол!

И вот еще что обратило на себя внимание, когда я бродил по городу.

На Пушкинской улице ремонтировалась мостовая, а по краям мостовой разбивались газоны. Обычная картина? Нет, не совсем. Рабочие, чинившие мостовую, как мне показалось, не были похожими на обычных дорожных рабочих. В сторонке лежали портфели, стопки учебников. Это были студенты.

Потом мне пришлось видеть и солдат и матросов, занятых благоустройством города, видеть, какое активное участие в воскресных приемах принимают все жители Владивостока.

Когда выезжаешь в город, в глаза бросаются лозунги, написанные аршинными буквами: «Сделаем Владивосток красивым и чистым!». «Сделаем наш город самым красивым городом на Тихом океане!».

И, глядя на владивостокцев, думаю: да, в ближайшем будущем город обязательно станет таким — самым красивым на Тихом океане!

Семен ШУРТАКОВ
Владивосток. Июнь.

Во время пребывания в Австрии Н. С. Крутева и сопровождающие его лица посетили один из крупнейших в стране автомобильных заводов в рабочем районе Флюндсдорф, известный под названием «Австрофрат». На снимке: Н. С. Крутева отвечает на приветствия рабочих и служащих завода.

Фото В. Кожевникова.

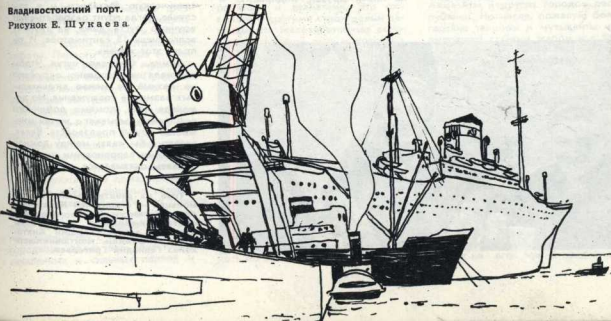
ВИЗИТ, КОТОРЫЙ ОЖИДАЛИ НАРОДЫ

За последнее время Глава Советского правительства посетил много стран, и каждый раз успех сопутствовал ему. Каждый раз визит в Австрию был напряженным в международном отношении: после провала Пармского совещания мир непропорционально издал, опустится ли руки у борцов за «попечение». И визит советского премьер-министра доказал всем, что усилия укрепить мир во всем мире не заглохли, как выразились венские рабочие в письме Н. С. Крутеву.

«Заключен Государственный договор» — продвинул рабочие — правительство Вашей страны уже совершили ордены на австрийской земле акт, способствующий ослаблению напряженности, и положительно начало новой эпохе в отношениях между народами.

Мировая ответственность с надеждой смотрит на Советский Союз, снова благодаря его за новую мирную инициативу.

Владивостокский порт.
Рисунок Е. Шукаева

НА ВСТРЕЧУ
ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

АТМОСФЕРА

В. НИКОЛАЕВ
ФОТО АВТОРА

Множество поистине гигантских строек семилетия раскинулось по всей стране. Казахская Магнитка — крупнейшая из них. Большой праздник в эти дни отмечают строители и металлурги — пуск первой домы. На ней написано: «Имени 40-летия ВЛКСМ. Правда, в народе ее зовут короче и теплее — «Комсомолка».

И то и другое название не случайно: Казахская Магнитка — ударная комсомольская стройка. Здесь трудятся девять тысяч комсомольцев ВЛКСМ. Первая дома — это их подарок июльскому Пленуму ЦК КПСС. Вслед за ней входит в строй еще одна доменная печь.

Четыре года назад я был в этом краю и видел, как начиналась стройка. Тогда здесь была степь, бесконечно ровная казахстанская степь. Рылись первые котлованы, тапились к ибуэ стальные каркасы, еще не обросшие железобетоном. Но уже тогда строители имели у себя за спиной прочную базу, надежную опору: новая гигантская стройка разворачивалась всего лишь в десяти километрах от Темир-Тау — города нескольких больших заводов.

Темир-Тау — это один из самых юных наших городов. Он еще несовершенен, ему не стукнуло и восемнадцать, а его гордость звучит именем (Темир-Тау в переводе означает «Железная гора») жизнь уже сделала обиднейшее добавление: все называют его теперь «старым городом», чтобы отличить от нового Темир-Тау, выросшего на Казахской Магнитке.

Чтобы полностью винкнуть в славу родословную нового Темир-Тау, понять, почему судьбой ему было суждено родиться именно здесь, в степи, необходимо взглянуть и в предисторию «старого» Темир-Тау. Этот «старый город», ставший как бы отцом нового Темир-Тау, сам является сыном промышленной Караганды.

А знаете, сколько лет самой Караганде? В 1923 году в ней насчитывалось 600 жителей, а в 1930 году — 15 тысяч, а теперь их свыше 400 тысяч! Такой невиданный

даже в нашей стране скачок объясняется одним — вокруг Караганды сосредоточены богатейшие залежи угля. Наидеянная по соседству железная гора превращает сегодня этот район в одну из важнейших металлургических баз страны. Пуск первой домы Казахской Магнитки сразу переносит эту базу с вагманов проветривающих на реальную повету. Госплан СССР уже занес казахстанский чугун в свои расчеты на второй год семилетия.

Два обстоятельства больше всего поражают на стройке: ее размах и молодость подавляющего большинства ее строителей.

На пятидесятиметровой высоте одного из сооружений химического комплекса я познакомился с восемнадцатилетним слесарем-верхолазом Владимиром Ивановым. Он вытиснул Карагандинского технического училища. Его последняя практика совпала с междомыслием, предшествовавшим пуску первой домы Казахской Магнитки. Каждое производственное задание, которое получал Владимир, носило отнюдь не учебный характер. Каждый день он на один-два метра поднимался вверх вместе с сооружаемой им и его товарищами гигантской стальной башней. И каждая конструкция, установленная его руками, не просто входила в отметку в его зачетную книжку практиканта, а ложилась в основу Казахской Магнитки. Одновременно с пуском домы Владимир получил право называться уже не практикантом, не учеником, а настоящим рабочим человеком.

Вместе с Владимиром Ивановым работает электросварщиком двадцатилетний комсомолец Анатолий Сложеникин и восемнадцатилетние комсомолы верхолазы-монтажники Геннадий Григорьев и Анатолий Абрамов. Я застал их за работой на верхней площадке высотного сооружения. Разговорился с ними. Погол стал фотографировать их у перил площадки. Анатолий Сложеникин, встав в середине группы, решил, видимо, что такая композиция — все в один ряд — скучна, и, опершись на плечи друзей, подпрыгнул и

услелся на перилах. Сел так, как обычно садится на парта домы веранды высотой в полтора метра. А мы были на пятидесятиметровой высоте! Признаться, у меня заморил сердце. Сдернуть его заморил устаревший Сумбурст домы молодого парня? Нет! В ту же секунду я убедился, что орик здесь не нужен. Ни сам Анатолий, ни его товарищи нисколько не позировали. Они легко и просто чувствовали себя на этой ордине высоты. Они сроднились с ней.

На разные стройки можно поехать после окончания технического училища. И когда я спрашиваю Владимира Иванова, какой он избрал путь, он удивленно смотрит на меня:

— Куда поеду? А куда же мне ехать? Здесь останусь, конечно. Я уже начал строить, я и продолжать буду.

Тысячи юношей и девушек начинают здесь, так же как и Владимир, свою жизнь. Но они не говорят о себе: «Я начал здесь свою жизнь». Они говорят: «Я начал здесь строить».

И стройт они здесь иначе, чем строили их отцы. Когда ходишь по необозримой строительной площадке, то создается впечатление, что здесь очень мало людей.

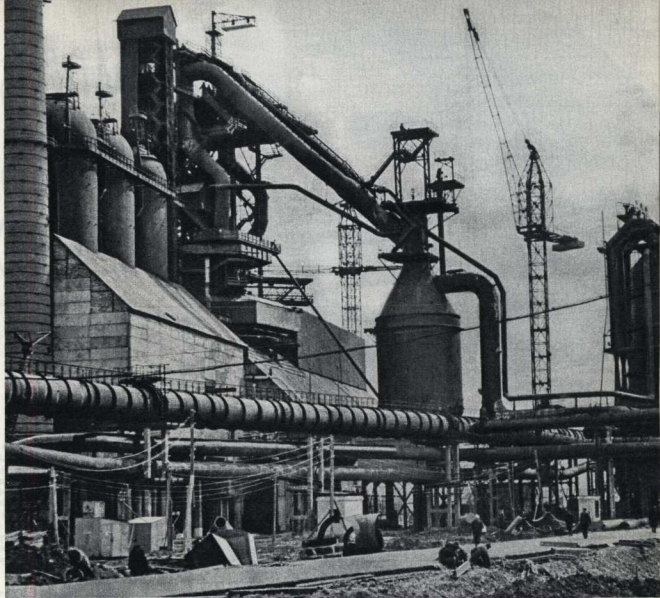
Высокий уровень механизации является для молодых строителей фактом само собой разумеющимся. В иных условиях они и не работали. С первых же своих шагов на производстве они столкнулись с могучей силой современной техники, столкнулись с необходимостью осваивать ее, постоянно повышать свой технический кругозор. Молодые строители пододат к своей работе с высокой меркой специалистов, вооруженных техникой и знаниями. Мне довелось услышать на собрании выступление одного парня. Он говорил о том, что надо пересмотреть проекты организации работ, в которых предусмотрена разработка грунта вручную на глубину 15—20 сантиметров. Эту работу могли бы успешно проводить экскаваторы на тракторах «Беларусь».

Вдумайтесь только! Молодой рабочий сегодняшнего дня видит техническую отсталость и в том случае, когда грунт разрабатывают вручную пусть даже на глубину всего лишь 15 сантиметров. И он прав, этот парень.

Дома... Они дают чутку. Чтобы работа она исправно окружают ее разные не менее внушительных размеров сооружения. Но доменная печь, помимо доменного комплекса, вызывает к жизни множество других производств. Какое, казалось бы, связь между домой и тонкими капровыми чулками? А связь, оказывается, самая непо-

Трое из девяти тысяч комсомольцев — строители Казахской Магнитки (слева направо): монтажник-верхолаз Анатолий Абрамов, электросварщик Анатолий Сложеникин, монтажник-верхолаз Геннадий Григорьев.

Перед дома Казахстана Магнитки.

средственная. Химические предприятия, сооружаемые по соседству, используют продукты доменного процесса и дают людям много нужных товаров, — том числе и натуральные чулки. Не только химическое, горное, энергетическое, но и многие другие производства сконцентрированы у доменных печей. Вокруг этих домен выростает множество промышленных объектов. Это — дело самых ближайших лет. А на очереди — новые свершения. Развертывающиеся строительство канала Иртыш — Караганда позволяет проектировщикам говорить сегодня уже о сооружении второй очереди Казахстана Магнитки.

Вся промышленность Советского Союза условно разделена на 13 отраслевых групп. Вокруг Казахской Магнитки и шахт Караганды сосредоточены производственные объекты, входящие почти во все эти группы. Вот еще почему так велико значение Казахской Магнитки, в сердце которой клочок расплавленной лавы чулки — основа могущества страны.

Вместе с индустриальными громадами вокруг домы вырастает новая жизнь. Новый Тамир-Тай — это нарядный, современный город. Многоэтажные дома, трамваи и автобусы, магазины и кинотеатры, школы и танцевальные площадки — и над всем этим юным и светлым городом машут ажурные стрелы подъемных кранов, и он, как младенец-крещеный, растет не только, а по часам.

У каждого подъемного крана — своя история, но, наверное, один из самых неутраченных подъемных кранов в городе возвышается над 110-м кварталом. На этой строительной площадке работа ведется в три смены. Здесь будет первая в новом городе типовая школа, предназначенная специально для рабочей молодежи. Классные комнаты, кабинеты, мастерские, столовая, душевые установки... В этой школе будет учиться около тысячи юношей и девушек. Они будут приходить сюда не по вечерам, а поночам.

Уже кладутся последние трехтонные бетонные блоки четвертого этажа, а на первом и втором полами ходом идет отделочные работы. Дверь в дверь в щель прудит ее уходящее, строители Казахской Магнитки. Придут в классы и многие из тех, кто своими руками выстроил школу.

А неподалеку от строящейся школы раскинется городок ее будущих питомцев. Здесь живет 12 тысяч молодых строителей Казахской Магнитки. Городок их так и называется — Комсомольский. Духовнички дома, просторные широкие улицы, зеленые газоны, молодые деревья — все это принадлежит юным хозяевам, все это дух их. Особенно трогает работников с Комсомольским городком забота его обитателей, закаленных и сильных парней и

девчат, о цветах и деревьях. Зеленые ростки с трудом приживаются здесь, требуют к себе не просто внимания, а любви и сердечной теплоты. Эту любовь и теплоту не смогли угасить ни жестокие зимние бураны, ни свирепые степные ветры.

Когда ходишь по улицам Комсомольского городка, то невольно обращаешь внимание на его многонациональный облик. Всюду слышится и русская, и украинская, и казахская речь. А это что за язык? Откуда эти рослые смуглые парни с ослепительной Белозубой улыбкой? А это, оказывается, старожилы стройки — болгарские юноши. Вот уже третий год юноши и девушки из Болгарии работают плечом к плечу с нашими ребятами и девчатами. Это они вместе с другими строителями закладывали железобетонные основания доменной печи и коксовых батарей, возводили стены ТЭЦ, строили первые жилые дома...

Как и все молодые строители Магнитки, болгары возмужали и окрепли за эти годы. Из тысячи болгарских юношей и девушек более восьмисот человек приобрели по две и три специальности. Свыше 350 болгар учатся в высших и средних учебных заведениях.

Жизнь молодых болгар неотделима от стройки, от ее многотысячного коллектива. Они родные братья и сестры русских, украинцев, белорусов, казаков — словом, всех тех, кто трудом своим преобразует степь. Развернулось по всей Магнитке соревнование

за право называть свои коллективы коммунистическими — болгарские ребята тоже не отстают от других. Одним из первых на стройке коллективов, завоевавших высокое звание, была болгарская бригада Дмитрия Сименова из управления «Химстрой».

Там бы я ни сталывался на стройке с болгарскими юношами и девушками, всюду было видно, как по-братски трогательно относятся к ним наши ребята и девчата. С ними любят работать, любят отдавать и веселиться. Полторы сотни болгар участвуют в своем самостоятельном художественном коллективе, чьи танцы и диалы славятся не только на Магнитке. По просьбе молодежи болгары выступали на сценах Караганды, Алма-Аты и других городов республики. Но где-то, пожалуй, болгарские танцоры и музыканты не выступали с таким жаром и с таким успехом, как на болгаро-советских свадьбах. А таких свадеб на Магнитке сыграно уже немало...

Стройка продолжает набирать темпы. Ей нужны люди, трудолюбивые, крепкие руки, ищущие, бесполокные головы. Откройте четвертую страницу местной газеты. Объявления, в которых крупным шрифтом выделено одно и то же слово: «Требуются! Требуются» — машинисты, слесари, токари, электромонтеры, плотники, столары, штукатуры, маляры, замечники, электросварщики, шоферы, бульдозеристы...

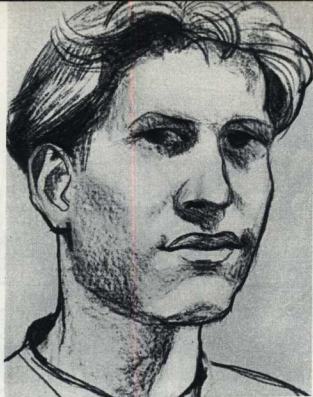
Молодой город берет к себе молодых и сильных. И они откликаются на его зов. В последние

время среди новоселов города стало особенно много демобилизованных воинов. Эти парни в одежде защитного цвета сразу обращают на себя внимание. И не только формой и выправкой. Они работают особенно дружно и спорно. Смотришь на них и радуешься: насколько же это лучше, когда мужественные руны танки, парней, руки, стокосавшихся по труду, снимают не штурвал бронетранспортера, а баранку мощного самосвала!

И с каждым днем в Тамир-Тай прибывает все больше и больше танки парней, демобилизованных из армии. В отделе кадров треста «Казметаллургстрой» с каждым днем приходит все больше писем от воинов, которые скоро будут демобилизованы. «Я радовой, — пишет Михаил Мальцев. — Скоро демобилизуюсь из рядов Советской Армии и прошу дать мне выход на Казахскую Магнитку и обеспечить работой по специальности шофера. Трудности меня не пугают...»

Вширь и ввысь растет громада Магнитки. Многое уже сделано, а впереди еще больше работы. Строительство продолжается: вторая дома уже тянется к небу рядом с первой.

Юноши и девушки, все, что стоит у начала пути и мечтает о больших делах, кто любит Родину и не боится трудностей, приезжайте на Казахскую Магнитку, крупнейшую в стране ударную комсомольскую стройку! Присажайте, не прогадаете! Тамир-Тай.

МОЛЫБЕРТ УСТАНОВЛЕН В ЦЕХЕ

Рисунки Н. Попова
и В. Котлярского.

Член бригады коммунистического труда Георгий Хориню.

Пришли как-то в комитет комсомола Первого подшипникового завода два молодых человека.

— Мы художники, — представились они. — Нам бы очень хотелось нарисовать ваших передовиков.

— В комитете переглянулись.

— Трудновато вам будет, Передовиков у нас много!

Главный коридор завода растянулся, как проспект, почти на километр. От него боковые коридоры вьются в цеха. На крутой металлической лестнице художники встретились с Ниной Павловой — секретарем комсомольской организации ремонтно-механического цеха.

— Хороших рабочих много, — это верно, — подтвердила Нина. — Но в бригаде Тимофеева все как на подбор. Да вот и сам Тимофеев идет...

— Биография! Да какая у меня еще биография! — отве-

тил бригадир. — Отслужил в армии, вернулся на родной завод... Токарь четвертого разряда. Где учусь! На третьем курсе автомеханического техникума. В свободное время что делаю? В кино хожу, фотографией увлекаюсь. А потом... я человек семейный.

Светлют глаза, скулы лезут вверх, рот растягивается в улыбку. Николай вспоминает...

— Только привез жену Светлану из роддома, ребята тут как тут. Пришли поздравить. Завалили игрушками, цветами. От всей бригады, говорят, виновнику торжества Сергею.

Бригада Тимофеева организовалась год с лишним назад, но сейчас весь завод знает о ее делах.

Ребята, решив выполнить план второго года семилетки к 7 ноября, вызвали на соревнование бригаду коммунистического труда Бориса Попова

из инструментального цеха — это были достойные соперники.

И хотя мало времени для совместных бесед у бригадиров, но нат-нет да и заглянет один к другому... Недавно, например, Николай поделился с Поповым своей радостью: он усовершенствовал детальную голову на фрезерном станке, благодаря чему время обработки детали сократилось в шесть — десять раз.

В бригаде Тимофеева пять человек. Самый молодой из них — комсомолец Жора Хориню. После средней школы он сразу стал работать на заводе.

Смена уже кончилась, а Жора еще в цехе. Ведь он член цехового комитета комсомола. А тут еще художники.

— Жора, попозируй! — попросили они.

Жора садится на стул: раз всю бригаду рисуют, — значит,

и его можно. Смущается, сидит как на иголках. Волосы чуть растрепались, на щеке от прикосновения руки — маслянистое пятно.

Кончился сеанс, и вот он уже бежит обратно — помочь Тоне Лебедевой наладить станок. А потом торопится на подготовительные курсы при МВТУ имени Баумана.

Тоня Лебедева — единственная девушка в бригаде, и ребята особенно заботливо относятся к ней. На завод она пришла давно, но сначала приходилось трудновато: не знала знаний. А когда стала членом бригады Тимофеева, ребята помогли ей продолжить учебу. Сейчас она занимается в школе рабочей молодежи.

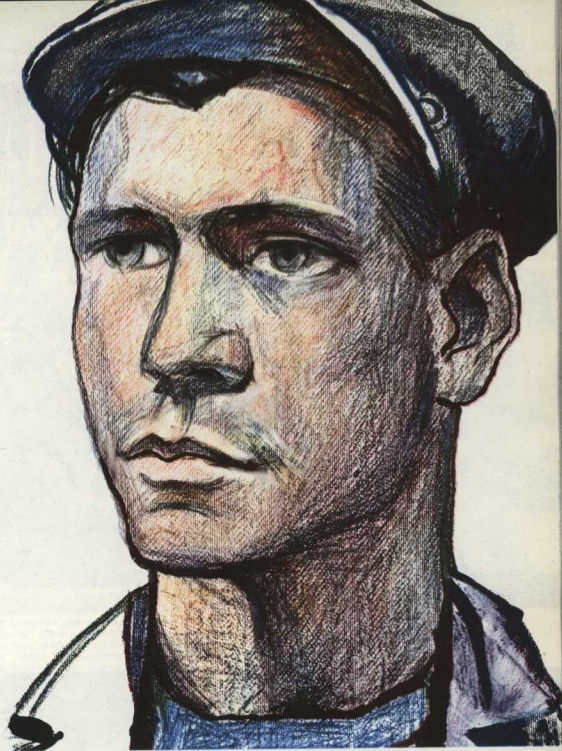
Кончат школу рабочей молодежи и другой член бригады коммунистического труда, конькобежец и футболист Анатолий Никитов.

Чуть у него заминна — товарищи спешат на помощь.

В цехе появилась свежая «молния».

Бригадир бригады коммунистического труда Николай Тимофеев.

Когда художники разговаривали с Никоновым, к нему подошел высокий молодой человек.

— Это Саша Ваков, пятый член нашей бригады,— представил друга Анатолий.— Самый старший из нас. Скоро защитит диплом в машиностроительном техникуме...

В свободное от работы и учебы время ребята занимаются спортом, ходят в хоровой кружок. Любят они и поспорить, особенно о том, какие люди будут жить в коммунистическом обществе. Наверное, особенные и необыкновенные...

Может быть, обыкновенные, может, и обыкновенные, но обязательно простые и честные, трудолюбивые и дружные, похожие на славных ребят из бригады Николая Тимофеева.

Н. ЕВСЕЕВА

На участие бригады Николая Тимофеева.

В обеденный перерыв.

С. Жуковский

Осень в усадьбе.

И. Айвазовский

Лунная ночь.

ИСТОРИЯ ВОССТАНИЕ

СПИСОК, СОСТАВЛЕННЫЙ В 1918-м

Это началось так.

Директор Ногинского музея краеведения Александр Иванович Смирнов нашел в местном архиве интереснейший документ. На посетившей от времени, плотной, шероховатой бумаге было напечатано — с «ятями», с твэрдскими знаками в конце слов: «Список художественных ценностей (картин), реквизируемых в пользу народа у бывшего владельца Глуховской мануфактуры Морозова».

Александр Иванович пробежал список и не поверил глазам.

В списке значилось: «Айвазовский И. «Луная ночь», Бялыницкий-Бируля В. «Весна...». Далее — в алфавитном порядке — художники Грюндер, Жуковский, Степанов... И еще и еще.

Что же все это значит? Каждая из упомянутых здесь картин — находка бесценная. А в списке их двадцать шесть — целая картина галереи! Но, может быть, это всего-навсего копии, дубликаты? Пожалуй, нет. «Луная ночь», «Осень в усадьбе» — что-то не встречалось таких названий...

Смирнов позвал на Глуховский комбинат. О судьбе коллекций, отобранной в 1918 году у Морозова, ни в партком, ни в дирекции комбината не могли сказать ничего определенного. Да и не удивительно: сколько минуло лет! Годы гражданской войны, разрухи... Может, и человек, составивший этот список, умер... Но ведь картинам было...

Надо искать. Но где? Как?

НАХОДКА В ПОДАВЛЕ

Старый большевик, участник революционных событий на Глуховке Д. И. Корнеев, выслушав Смирнова, ответил не сразу. Он задумался, постучав о ладонь мундштуком папиросы.

— Картины, Александр Иванович, действительно были... И, насколько помнится, передали их в клуб. Но боюсь, что они давно погибли...

Однако Смирнов не опустил руки и упорно продолжал поиски. Они приходили в глуховский клуб, как и на работу. Пересмотрев архивы за многие годы — и ни одного документа, подтверждающего, что клуб передавал кому-то коллекцию. Значит, картины должны быть здесь. Помещение клуба огромное — примерно, подвал, чердак, сарай, забытая сложенная мебель, буфаторским реквизитом, декорациями... все следовало осмотреть, исследовать каждый холст.

В фойе и комнатах для кружковой работы висят картины. Нет, все это, разумеется, совершенно не то. В помещении за сценой тоже пусто, но зато работы самодельной натуры.

В подвале, в одной из кладовых... старые декорации, задники с потрескавшейся, местами осыпавшейся краской. Разбегаясь вглубь. Александр Иванович заметил картину. Картина лежала плашмя на цементном полу, холстом вниз. Он перевернул полотно. Покрытый слоем пыли, холст был темен от сырости. Местами проглядывали белые пятна — обвалившаяся грунтовка. И все под светом карманного фонарика, он разобрал подписи: «Худ. А. Степанов».

Когда из кладовой вынесли старый холст, обнаружилось еще пятнадцать картин. Точ-

нее, бывших картин: так сильно были они попорчены. Холст Айвазовского, например, потускнел и пожелтел, краска кое-где отвалилась кусками, полотно было порвано в трех местах. В таком же состоянии находились картины Жуковского, Бирулы, Грюндера. Лучше других сохранился, пожалуй, небольшой этюд с надписью, сделанной рукою художника на обратной стороне холста: «Ивану Абрамовичу Морозову на добрую память. 25 марта 1894 года. Переплетчиков».

Итак, шестнадцать полотен. А в списке их двадцать шесть. Как ни искали, десяти картин обнаружить не удалось. Но, вероятно, это шестнадцать не вернуть в жизни... Что же делать дальше?

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

В Москве, недалеко от Кропоткинской улицы, в одном из переулков разместилось учреждение с длинным и немного скучным названием: «Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации художественных ценностей».

Здесь работают люди, в совершенстве владеющие кистью, техникой живописи. И все-таки на выставках вы не встретите подписанных ими полотен.

Эти люди — реставраторы.

Каждый художник пишет в своей манере, имеет какие-то собственные «секреты». И реставратор обязан знать, чувствовать все «секреты», свободно работать в любой манере. Своя, чужая, реставратор должен знать и уметь много. Если картина разорвана, можно ли «срастить» ее так, чтобы самый придирчивый глаз не заметил шва? Если холст истялся, возможно ли заменить его, то есть сделать переклейку, переклеить рисунок на новый холст? Если картина писалась давно, можно ли, реставрируя ее, добиться, чтобы новые мазки, новые краски по тону, колориту, оттенкам совершенно ничем не отличались от старых. Реставраторы говорят: можно. Трудно, но можно.

Когда Александр Иванович рассказал в лаборатории о находке, кое-кто из ее работников сначала отнесся к его сообщению скептически. Шестнадцать неизвестных картин? Или это что-то? Наверное, копии...

Директор лаборатории приехал в Ногинск. Долго, внимательно изучал он полотна. Потом сказал:

«Это, несомненно, подлинники. Только уж очень испорченные. Пожалуй, таких «типичных» большевиков нам еще не приходилось «лечить». Не знаю, уместно ли...»

Последняя надежда рухнула.

— Давайте подумаем, как их упаковать, чтобы в дороге не повредить, — закончил директор лаборатории.

Через некоторое время в реставрационной лаборатории собрался своеобразный консилиум. Члены совета подробно обсуждали, какими методами лучше «лечить» картины, произведенные в Ногинске.

Реставрация «Луной ночи» была поручена сотрудникам лаборатории В. Шахову, З. Черкасской, А. Зайцеву, К. Федорову. Приступили к работе и другие группы. Шестнадцать картин — шестнадцать групп. У каждой свое задание, свой план, заранее продуманные методы и приемы.

С чем сравнить работу реставратора?

Археологи, сняв слой земли, углубляют в прелест очень медленно, действуя уже не

лопатою, а ножом, пожимая на перочинный, и специальными шпателями. Инструмент реставраторов гораздо тоньше: крошечные ланцеты и кисточки, миниатюрные шпатели, даже набор мельчайших иглолов. Миллиметр за миллиметром обрабатывает полотно реставратор — и картина как бы рождается заново. Но она не должна стать ни лучше, ни хуже, — картина должна выглядеть точно такой, какой была в тот отдаленный десятилетиями и даже сотнями лет день, когда автор положил на холст последний мазок.

«Прошло несколько месяцев. Реставраторы тщательно и упорно делали свое дело... В кабинете директора Ногинского музея краеведения раздался телефонный звонок: — Товарищ Смирнов? Говорит из Москвы. Можете приехать. Работа над картинами закончена».

— Подарилась с удачей! — прокричал в трубку Александр Иванович. — Большое спасибо! Вот это...

— И вас поздравляем. Это большая радость и ваша и наша... — спросил Смирнов. — Вы вышлете счет?

— Счет? — не сразу понял там, в Москве. — Нет, Александр Иванович, счета не будет. Картины — народное достояние, реставрация производится за счет государства.

— Извините, — улыбнулся Смирнов. — Завтра же буду у вас.

ПЕРЕДАНО НАРОДУ

Среди шестнадцати найденных в Ногинске картин есть извращенное полотно Эдуарда Грюндера «Фальстаф». Грюндер — один из виднейших немецких жанристов второй половины XIX века. Он жил и работал в Мюнхене. Как же его картина попала в уездный город Московской губернии Богородск (так раньше именовался Ногинск)? Как оказались там другие картины?

Ответ на этот вопрос дан на обратной стороне этюда Переплетчиков: «Ивану Абрамовичу Морозову на добрую память». И. А. Морозов был в свое время известным коллекционером. А владелец Глуховской мануфактуры Арсений Морозов приходился Ивану Абрамовичу двоюродным братом. Впрочем, и сыновья Арсения Морозова Сергея и Петра, получившие образование в Зальцбургской Европе, тоже коллекционировали картины. Может быть, именно они приобрели в Мюнхене «Фальстафа» Э. Грюндера.

Как бы то ни было, картины возвращены в руки, и находится они уже не в частной коллекции, а в государственном музее.

«Список художественных ценностей, реквизируемых в пользу народа» — так назывался в 1918 году безвестный красногвардеец или рабочий... Теперь эти произведения искусства передаются народу.

Вот и конец этой истории. Конец ли? Читатель, конечно, спросит: как же все-таки могло случиться, что эта коллекция погибла? И где десять лет не найденных картин?

Объективные причины? Они были. Но снимать ли это ответственность с тех, кто не смог или не захотел хранить коллекцию, халатно отнесся к художественным ценностям?

В. ТРЕТЬЯКОВ

ВЕЛИЧИЕ И ПРОСТОТА

«Владимир Ильич Ленин... Это имя бесконечно дорого сотням миллионов людей. Взгляните на Красную площадь, когда по ней несомкнутаемым потоком в торжественной тишине идут десятки тысяч трудящихся к ленинскому мавзолею. Они идут почтить память самого простого и человеческого, самого мудрого и прозорливого из людей нашей эпохи. В жаркий летний день и в зимнюю стужу по Красной площади движутся люди из всех республик, краев и областей Советского Союза, из всех стран мира, люди всех рас и национальностей».

Эти строки начинаются любовно изданная Государственным издательством политической литературы биография Владимира Ильича Ленина. Книга написана авторским коллективом в составе: П. Н. Постелов (руководитель), В. Е. Егграфов, В. Я. Зевин, Л. Ф. Ильичев, Ф. В. Константинов, А. П. Косылунов, З. А. Левина, Г. Д. Обичкин, П. Н. Федосеев.

На нашей планете нет уголка, где бы с величайшим уважением не проносили имя — Ленин. Народ творит легенды об Ильиче. Будто всегда был Ленин: и на Апшероне, и в Бухаре, и на Северном Урале, и на Курилах... Куда бы ни приехал Владимир Ильич, там преобразалась жизнь, люди расправляли плечи.

— Однажды старшукурсики Одесского мореходного училища были в далеком плавании на теплоходе «Адмирал Нахимов». В канун Первого мая судно бросило якорь в голубой лагуне вблизи заросших пальмами островов. Юные моряки на шлюпках отправились к острову. Двое из них так увлеклись сбором цветов, что отбились от компании, а Глеб Дубов заблудился и оказался в джунглях. Пытаясь выйти из зарослей, Дубов добрал до незнакомой лагуны и услышал песню. Кто-то горнато поет о Ленине. Ориентируясь на звуки песни, Дубов вышел к скамьей жимове и поднялся по ее бамбуковым ступеням. На циночке сидел мальчик и лепил из соломы шляпу. Он и поет о Ленине. Увидев белого, мальчик испугался. А когда узнал, что белый — русский, то очень обрадовался.

— Откуда ты знаешь Ленина? — спросил Глеб Дубов юного друга.

— Как же! — ответил ему мальчик. — Ленин был здесь. Его тут все хорошо знают. Ленин плавал по лагуне, сидел у костров, ловил рыбу и учил, как нужно строить новую жизнь.

Ленин — путеводная звезда трудящихся всего мира. Его жизнь поистине широкая, великая, жизнь — девине, образец самозабвенного служения народу, борьбы за чистоту и единство рабочего класса.

История знает немало славных имен, которые с благоговением передаются из поколения в поколение. Но для трудового народа самым родным и любимым, самым дорогим и незабвенным всегда будет бесмертное имя Ленина. Владимир Ильич воплотил в себе все лучшее, великое, героическое, что есть в рабочем классе, в народе. Его жизнь, его деятельность — вдохновляющий пример самоверной борьбы за интересы народа, за счастье людей.

Вот почему с таким живейшим интересом у нас в стране и за ее пределами воспринято новое издание биографии Владимира Ильича Ленина.

Яркие, запоминающиеся страницы биографии рассказывают о формировании как Ленина как вождя русских пролетариев, так организатора марксистской партии и первого в мире социалистического государства. Владимир Ильич предстает перед читателем как активнейший руководитель великого процесса соединения марксизма с массовым рабочим движением в России.

Жизнь Ленина неотделима от жизни и борьбы Коммунистической партии, начиная с ее зарождения. Книга последовательно раскрывает величественную картину борьбы Владимира Ильича за подготовку и создание марксистской партии. В своих произведениях он разработал научные основы политики партии. Примечательно то, что в новом издании биографии, в сравнении с предыдущими, значительно шире и глубже излагаются ленинские работы. Им посвящены специальные разделы книги.

Все мы знаем Владимира Ильича как неут-

лимого воспитателя молодежи. «С особым вниманием», — говорится в биографии, — Ленин всегда относился к воспитанию и обучению молодежи. В октябре 1920 года он выступал на III Всероссийском съезде РКСМ с исторической речью «Задачи союзов молодежи», которая стала программным документом партии в формировании молодых поколений строителей коммунизма, определила направление и методы работы комсомола». В этом же разделе авторы биографии подробно рассказывают о заботе Ленина о школе, ее политике, организации, о народном учителе.

Новое издание подробно повествует о многогранной практической деятельности В. И. Ленина в области партийной и государственного строительства в первые годы Советской власти. Одновременно материалы книги характеризуют В. И. Ленина как признанного вождя и учителя международного пролетариата, сборника сплочения революционных сил всех стран, непримиримого борца против всяких оппортунистических шагов и в русском и западноевропейском рабочем движении.

Бесконечно объективным был Владимир Ильич как человек. Авторы новой биографии подчеркивают, что черты его личности — это прообраз человека будущего, человека коммунистического общества. В нем сочетались величайшая простота, скромность, суровость и непримиримость к классовым врагам и трогательная внимательность к товарищам, любовь к людям, любовь к детям, постоянная забота о благе народа, страстная преданность делу партии, делу рабочего класса, величайшая убежденность в правоте и справедливости этого дела.

В. И. Ленин обладал гениальной способностью видеть «сквозь» время». Современники Ильича, свидетель его жизни А. М. Горький особо выдвинул эту поразительную черту, отличающую Владимира Ильича: «Его силуэт», — писал Горький о Ленине, — была поразительная ясность его разума. Обширнейшие знания, которыми он насытил свой разум, вооружили его способность пророчески предвидеть все, что может и должно быть сегодня завтрашнему дню... Он вообще, как никто до него, умел предвидеть то, что должно быть. Он умел и мог делать это — мне кажется — потому, что половиною великой душой своей жил в будущем; железная, но гибкая логика его показывала ему отдаленное будущее в формах совершенно конкретных, реальных».

Таким предстает В. И. Ленин перед читателями новой, толстой и изданной биографии. Важное значение имеет заключительный раздел книги «Горжусь великим идейным лидером», в котором говорится о жизненной силе марксистско-ленинского учения, мощном влиянии великих ленинских идей на весь ход мировой истории.

Новое издание биографии В. И. Ленина отличается большой убедительностью. Глубокие, научные содержания ее сочетаются с простотой, популярностью и доходчивостью изложения. Вполне понятно поэтому, что книга опистине широкой, «массовой» жизни Владимира Ильича, как образно определил ленинскую жизнь А. М. Горький, находит самого широкого читателя.

Никола́с ГИЛЬЕ́Н
(И у б а)

ЛЕНИН

Ты знаешь, что могучая рука,
и самодержца сброшенная с трона,
мягка была, как лепесток цветка?
Так чья была она — рука,
тирана сброшенная с трона?

Ты знаешь, гневный голос иштомовой,
твоих хозяев приводивший в третень,
значал нам песней радости живой?
Так чей он — голос иштомовой,
хозяев приводивший в третень?

Ты знаешь, тот веселый ураган —
гроза врагам, как тыбе он ласков
и льнет волной к твоим босым ногам?
Так чей он — грозный ураган,
хозяев с тобой он тих и ласков?

Ты знаешь, адмй свет, что гибель нес
тупым быкам, как плач тореадора,
Неву навеки осушил от слез?
Так кто же зверю гибель нес
и свет зари родным просторам?

И гневный иштом и подлая голубой,
все это — Ленин. Он всегда с тобой.
С тобой, крестьянин, он выходит в поле,
с тобой, рабочий, он в цеху, с тобой
поет он песню о свободной доле,
и ты, народ, подымаешься на бой,
придишь к победе, к воле — он с тобой!
Всегда с тобой не бог, а добрый геней,
во всем — простой и самый близкий друг,
улыбкою дарящий радость азарту.
Цветок и сталь. Вулкан и песня. Ленин.

Перевел с испанского
К. ГУСЕВ.

ВСЕ МЫ ДОСТОЙНЫ БОЛЬШЕГО

Георгий ВЛАДИМОВ

Рассказ

Рисунки В. Пивоварова.

В эту зиму выпало много снега. С тех пор, как Алеша перебрался из Москвы в Шереметьевскую, снег падал каждый день. Он опускался хлопьями, сыпал крупой, летел в конусе. Фигуры косяк мерцалия сетью. За стеной хозяйка объясняла соседке, что нынче перестаи испытывать атомные бомбы, стало быть, сыпать будет аж до тропиц.

Алеша проснулся, когда за окном еще было темно, и выходя отбрызгивая хлопьями снегом. После зарядки воздух в комнате казался ему садином теплым и кислым, он распахивал форточку шире, натягивал на горящее тело фанелювую кофойку и принимался готовить на керогазе овсянку и кофе.

Он ел быстро. Потом саживал посуду на край стола и, поставив газету, раскладывал на ней тетради и книги, ставил большую консервную банку — пеллацину. Он знал, что никто не придет к нему и никто не будет. Иногда ему сильно хотелось и того и другого, но он сам сделал все, чтобы разыскать его мог только тот, кто очень хотел найти.

Так он сидел, не вставая, до часу дня, но в час отодвигал от стола и выходяла попутать снег. Подняв руки и пеллацины пламями, он думал о том, какую мазь положить сегодня. Потом возвращался в комнату и доставал из угаа лыжи. Натягивая тлечю, растирала мазь пробой и разгальживала до галнца ладонью. Выставив лыжи на холода, натягивал бумажный свитер, подвизывал брюки снизу, подвизывал и надевала верстие ботинки.

Перед тем как выйти, он сидел у окна и курил сигарету. Это были минуты предвкушения. Он думал о том, как сегодня в лесу и какое будет скольжение. Потому что снег очень редко повстрчался в зиму. Он мог быть крупяным и адыстым, как томенная соль, или рассыпчатым и хрустящим, как крахмал. Идя он был, как плоские, сухие блястки кварца, которые с звенящим шорохом осыпались с колыба, а после отпелелы — издреветым и серым, словно бархат, точенной медью, и слышь выдрала мазь. Но бывали дни — за все время он помнил два таких дня, — когда лыжи сами. Это бывало, когда пушистые хлопья опускались на жестко раскатанную лыжню, и тогда исчезала всякая отдача. Стовало кой, и лыжи скользили легко и беззвучно в стелной снежной сметане.

У него было несколько хороших маршрутов, километров по двадцати, и все они начинались с того, что Алеша еще у крмыаи задекивала дужки крепления, отбрасывая палочку и, понемногу раскладываясь, проезжал по уаине.

Он сворачивал в глухой переулок и сразу въезжал в лес — в запах мерзлой хвой, смолы и снега.

Он бежал густым молодым ельником, слыша только скрип и хлопанье лыж и свое ды-

хание. Потом начинался высокий бор, с золотистыми стволами и темными кронами. С веток свисали вадуг оскатки снега, блястки медленню оседали, и ветки долго качались. Тогда казалось, что, кроме Алешы, еще кто-то есть в лесу. Но он знал, что никто нет, только иногда очень низко пролетала самолеты.

Лыжня впадала в безрезовую алыню, здесь кончался суррак, и апероиди выдвигалось, пересеченное дорогой, и бегущие по ней машины. Алеша выбежал из лесу, и сразу на него набрасывался ветер. Он обжигала ему шеку и мочку уха, не прикрытую палочкой. Лыжня делала огромное петало, ушпиралась в снежный вал, от-

тиснутый бульдозером, и бежала рядом с дорогой. За валами впадала была две широкие изметные полосы аэродрома, пропадающие в дымчатой дали, и белая фюзеляжи самолетов, уткнувшихся носами в густой синий лесок.

На круглой площадке перед аэровокзалом Алеша символ лыжи и входила в тесный буфет. Он любил выпить здесь молока из запотевшего стакана. В буфете было накурено, промрлтое шло баястело на круглых столах, сделанных из пластмассы «под мрамор». Это не был буфет для пассажиоров, здесь перекусывали наснех механики, подолгу сидели крестьяне окрестных деревень с корзинами и мешками между коленой, заходили шоферы попросить «полтора ружья», и буфетница ставила им на стойку по што шпатель «охотничий». Пилоты и створатели сюда не ходили: у них было свое прибрежние, наволоу.

Алеша правилось сидеть среди этих адыли, отгорывался, и слышь из раторовых. В окно ему впадала была часть гигантского крыла с мотором и половина корпуса. Отсюда казалась,

что самолет стоит на привязи у ограды перрона и не может сам развернуться. Он не принадлежал земле, он хотел в небо и мучительно ждал, когда все эти люди вылетят, выкрутятся, наговорятся и выйдут к нему на помощь.

Алена любила провозжать самолеты. Ему нравилось думать, что и он когда-нибудь полетит.

В этот день на поле было несколько старых машин, а в полях—два четырехколесных лайнера. Алена стояла у ограды и смотрела, как дымящиеся бензиновые насосы подают бромом гиганта и поют его из кишки, а люди рассказывают по крылу. Лайнеры стояли покорию, вытянутые шпцы носы и задрав к небу хвосты, острые, как плавник акулы.

Чей-то голос за спиной Алены лениво спросил:

— Наш какой, ближний?

Он оглянулся и увидел трех молодых людей в модных широких пальто с поясами, в темно-коричневых пушистых ушанках и фетровых ботинках.

— Нет,—ответил второй.— Наш дальний.

Третий из них молчал, покусывая маленькую верхнюю губу и заложив руки за спину. У него был уверенный взгляд добродетельных темных глаз и лицо человека, который никогда не ошибается и не делает ничего лишнего. Он смотрел на самолеты, как смотрит на такси, которое должно быть подано к подъезду.

Алена отвернулась, но через минуту кто-то мягко тронул его за руку.

— Алена? Почему ты здесь?

Еще прежде, чем он узнал этот голос, он почувствовал, как стало жарко лицу и как заколотилось сердце. Она была в серой рубчике, такой же шапочке и без чемодана, но он вспоминал, что багаж к этим самолетам возят на транспорте.

— Искренне!—сказала она с упреком.— Не показывайся. Что-нибудь случилось?

— Да нет... Что могло случиться?

Она стала рядом, он ощущал на своем лице ее дыхание. Те двое внимательно смотрели на них.

— Борис!—позвала она.— Поздравляю, пожайте. Это мой друг. Вместе учились.

Борис подошел, сняв кожаную перчатку и подняв к Алене спокойно-внимательное лицо. Точно таким же взглядом он смотрел на самолеты.

— Очень приятно,—сказал Борис.— Я очень рад.

Он ждал, что ему что-нибудь ответят.

— Я побуду здесь,—сказала она.

— Ничего не имею против. Только поправь шарфик, простудился.

Он сам поправил на ней шарфик и отошел, кивнув.

— Я не знал, что ты вышла замуж,—сказала Алена.— Тебя можно поздравить.

Она слегка смутилась.

— Пока нет. Это не так быстро делается. А ты работавшая? Придумываешь что-нибудь?

Он, усмехнувшись, пожал плечами и провел рукою по лыжам.

— Что я могу придумать? За всю историю человечества люди, право, не придумали ничего лучшего, чем вот эти две палки из дерева и палки с колышками... Это я говорю тебе по опыту.

— Я знаю. Ты всегда говоришь по опыту. А денюг у тебя есть?

— С собою, конечно, нет. Была вот трешка, да вышла. А тебе нужны денюги?

Она посмотрела долгим и чуть ироническим взглядом и выгнула из рукава тонкую руку с часиками.

— У нас еще полчасика до посадки. Пройдемся?

Он пропал в тумане и стал у перла перрона. Алена счистила с них варажской снег, но она не прислаивалась, только пожимала плечами.

— Куда же вы летите?—спросил Алена.

— В Иркутск. А потом в Вратск. Шеф по-

сылает на три месяца. Дадим совместный перелет, какие-нибудь очерки о героях...

— Там интересно, должно быть.

— А ты хотела бы поехать?

Он пожал плечами.

— У меня есть свое...

— Системный ты... Ну, а у меня своего нет. Просто захотелось романтики, куда-нибудь полететь. Как-то скучно стало в Москве.

— Понимаю,—сказала Алена.— Ты изменился. Немного.

— К худшему?

— Нет. Не сказал бы.

Она повернула голову так, чтоб он видел короткую стрижку и перламутровую кепку.

— Так модно теперь?—спросила она, чтобы что-нибудь спросить.

— Угу. Это мальчиш без мамы. Хорошей?

— Очень. Тебе идет серое. Ты становишься деловой женщиной.

— Алена!—сказала она печально.— Ведь и твой годик уходит. Сколько бы вы, мужчины, ни петушились, вы тоже ведете счет годам.

— Даже больше. Мы ведем счет дням.

— Что же мешает тебе жить, как другим?

Он видел ее профил, опущенный светом зимнего солнца. Он вспомнил все, что было у них, как он впервые уходил от нее на рассвете, чтобы не доставлять радости соседям, но ворота были еще закрыты, и он стоял по-над двором, задрав голову, глядя на ее распахнутое окно на третьем этаже, страстно желая, чтоб она выгнулась. Она выгнулась, улыбающаяся и сонная, и бросила ему кусок булки—«чтобы ты не умер с голоду до восьми».

Он послал ей воздушный поцелуй и по-

— Да,—ответил он честно.— Мне очень не хватает тебя. Но я не люблю, когда меня отталкивают.

— И поэтому ты ищешь?

— Ты могла бы меня найти, если б очень захотела.

— А я не привыкла искать,—сказала она.— Я привыкла, чтобы меня искали.

Он пожал плечами и не ответил.

— Танечка!—позвала ее от дверей вокзала. Там стоял Борис. Он жевал, держа бутерброд двумя пальцами на отлете.— Не желешь присоединиться? Обнаруженем приличные замки и одна очень неплохая жидкость. Вос-

обратись к Алешке, он не приглашал, поскользнулся ты с лыжками.

— Субутылинчайте один,—сказала она.

— Не слышу!

Она сметка нахмурилась и твердо повторила:

— Я побуду здесь.

Он согласился кивнул и ушел.

— Я звонил в твой институт,—сказала она, помалчив.— Твой шеф Петровский сообщил мне, что ты возвращаешься на завод. Зачем ты это делаешь, Алена? Тебе же было у него неплохо и не так много работы.

— Что еще сказала Петровский?—спросил Алена.

— Что он сомневается, вытиснешь ли ты кандалатскую диссертацию. Он говорит, что ты все запустила. И вообще, мне показалось, он уже не смотрит на тебя серьезно. А ведь это был последний, кто в тебя верил.

— Не совсем точно,—сказала Алена.— Последний—это я.

лез на ворота с булкой в зубах. Он был счастлив тогда, и дворянин на него не свистел. Он вспоминал это и перенес взгляд туда, где пестрая вереница пассажиров шла под матово-серебристый живот лайнера.

— Я живу, как все,—сказала Алена.— Мне ничего больше не нужно.

— Но ты ведь бездвушевно? Скажи правду, бездвушевно?

— Ну, это не совсем так. На сигареты еще хватает. И даже иногда остается на пиво. И лыжи еще не скоро изнасятся.

— А кроме лыж,—спросила она,—и кроме своего дела, ты еще о чем-нибудь думаешь? Он улыбаясь.

— О чем-нибудь—это значит о тебе?

— Хотя бы...

— А я?—спросила она.— Но это же все равно, что верить в сумасшедшего. Надеюсь, ты все-таки не порвешь с аспирантурой?

— Я хочу что-то сделать своими руками. То, что я делала головой, может оказаться ошибкой, и тогда вся жизнь окажется ошибкой. Петровского это не мучит, а меня—да.

— Поэтому ты все бросила?

— Я ничего не бросила,—сказала Алена устами.— Он смотрел, как вертятся винты самолета.— Я еще вернусь. Только не сейчас. Еще не время.

Лайнер взревел моторами и потащился к взлетной полосе. Он оттол, попытаться, и в нем было что-то от пола, бредущего по камням,—одновременно сиял и беспомощность.

— Ты нашла на себя?—спросила она.

— Что-то вроде этого, — отвечал он не сразу. — Скорее она вышла на меня.

— Но хоть кто-нибудь знает об этом? — Видишь ли... Я могу морочить голову собеседнику, а меня будет пытаться один процент уверенности, тогда дружок дело. Но сейчас нет еще и двадцати. Поэтому то я и перекошу на заводе.

— Жалко! Я все жду, когда наконец и смогу выпустить о тебе.

Он рассмеялся.

— Ну, что обо мне напишешь! Я всего-навсего запланировал единицу потерь. Техник в науку немалая. Из десяти семеро спорят ложно, двое увидят робкие всходы, ну, а один, глядящий, что-нибудь и пожмет.

— И ты надеешься быть этим одним?

— Я надеюсь быть среди этих десяти.

— Но ты же достоин большего!

— Подай обьявляю это всем отлагательствам, — сказала он, усмехаясь. — Они скажут: «Мы тоже достойны большего!» Я, ты, он, она, оно — все мы достойны большего.

— Как называется твой, что ты делаешь?

— Ну, если я скажу тебе, что ты в этом поможешь?

— Почему же? — сказала она, шутовски обидясь. — Я ведь тоже была когда-то физиком.

— Танка! — взмолился он. — Давай о чем-нибудь другом...

Репродуктор на вышке звучно отпалкивал и объявлял металлическим контролем о посадке в Иркутск.

— Это мне, — вздохнула она.

«Скорее все кончится», — подумал он. — Еще несколько минут — и все кончится...

— Вот, Алена. Вот я и улетю...

— Что же мне пожелать тебе?

Те три тоже вышли из вокзала со сдвинутыми на затылок ушанками. Они были одиозно одеты: броская куртка в цвет, припудренный реском и шпалком.

— Танечка, поспеши! — крикнул Борис. Он встретился глазами с Алешей и приложил два пальца к мекку ушанки. — Надеюсь, вы не надолго ее задержите?

— Да нет, — ответила Алена. — Надолго у меня не выждет.

— Будете здоровы! — сказала Борис.

— И вы тоже.

Алена смотрела, не отрываясь, ему в затылок, аккуратно укатанный шарфом. Но это были не тех затылочки, которые не чувствуют ветра.

— Что же ты пожелала мне? — спросила она. — Впрочем, это я должна тебе пожелать. Ведь это я оставляю тебе — таким, какой ты есть.

Алена помнила, что она уже была там, с ними, у трапа, только ее теплая куртка случайно задержалась в ее алодии. Тогда, вдруг осознав, что еще минута — и он навсегда потеряет ее, думая только об этом, он притянул ее к себе и зарылся обветренным, одеревеневшим лицом в ее волосы. Он услышал знакомый запах ее волос и из короткой миг ему представилось, что они вместе, вдвоем, могли бы сейчас вернуться к нему, в Шереметьевскую. Но тут же он понял, что это никогда не будет, об этом нечего даже мечтать, и ждал ее самовне в объятиях. За стеной у него с грохотом упала Алена. Она отпрыгнула, но он держал крепко и поворачивал в губы.

— Алешка! — закричала она шепотом. — Ты подумал обо мне?

— Я только о тебе и думаю. Я просто хотел ему показать, что и ты достойна большего.

— Но какое тебе дело до меня... до нас с ним!

— Не кричи, — попросила он тихо. — Есть лучший выход. Очень старый и вечно юный. Дать пощечину. Но только это нужно делать сразу.

Она уперлась руками в его грудь, но он уже отступил ее. Она быстро поправила сбившиеся волосы и глубоко вздохнула и крикнула губы, как от руки.

Он хотел увидеть ее некресной, желокой, но не получилось. Он слишком привык считать ее самой лучшей. Она и теперь была самой лучшей: все это время она ни разу не поддалась в сторону самолета.

— Поищи ты! — сказала она, прикрываясь к его руке. — Я бы осталась с тобой, в моих си-

лах все изменить. Даже вот сейчас, в последнюю минуту. Но если бы ты не был там! Мальчишкой, не знакомым житику, который не знает никого попутать. Ведь ты тогда еще хотел меня слушать, а я тебе только желала добра, милая!

Алена хотела снова вспомнить все, что у них было, все неповторимое, чего никогда не могло быть у других, и не мог вспомнить.

— Подай... — сказала он. И, наклонившись, поднул Алене. — Тебе пора.

— И ты ничего мне не скажешь?

— Нет, — ответил он и покачал головой.

Несколько секунд она молчала. У нее задрожали ноздри и влажно заблестели глаза.

— Ты дурачок, я зареку?

— Нет, — ответил он молча. — Вот за это я тебя и уважаю.

Молча они прошли эти несколько шагов мимо толпы провожающих, мимационеров, носильщиков, дежурных, которая расплылась в их глазах в пестрый дятлом.

У выхода на поле она спросила его: — Ты напишешь мне? На почтamt.

— Да, — ответил он искренне. И так же искренно он верил, что никогда этого не сделает. — И ты тоже напиши. Смотри, уже пора. Сейчас уберут трап.

Он смотрел, как она идет — одна по белому полю. Так надо, ожидая паузы в затылке как страстной молбы вернуться. Ему хотелось слышать, что в его вальсе она сделает так, чтобы тяжелый лайнер прыгнул в морозное небо без нее. Он подумал, что это может случиться, но тогда он себе не простит... И тут же высмеял себя: «Можно подумать, что от тебя что-нибудь зависит... Кто может остаться, тот останется и не спрашивать».

У трапа она обернулась и помахала рукой. Он знал, что она близорука, и все же помахал в ответ. Трап отъезжал, и стали возвращаться нити одного из моторов: четыре лопастки — вправо, четыре — влево. Потом они скатились с олову спроектировку роюшкту, и под крылом задрожало небо, изменилась снежная шаль.

Алена вышла на площадку и стала на алмжи.

Он хотел добраться до леса раньше, чем самодом успеет взлететь. Он бежал, дыша троп, скрывая горло. Несколькo раз он выскочил на лед, чтобы протолкнуть тяжелый ком. И он не успел добраться до леса. Он увидел, как движется смерч пыли на взлетной полосе, и из сверкающего облака вырвался гигантская серобристая птица. Она дождевала своего, она истинственно ревела моторами и медленно изобрала в себе свои толстые юбки.

— Длинный алмжик бежал через поле, и над ним, над самой его головой, пронесся огромный лайнер, оглушив его и накрыв фиолетовой тенью. Алмжик поднял голову и увидел дивный ряд крутых окошек вдоль фюзеляжа. «Она смотрит! — подумал он. — Должно быть, я кажусь ей тараканом, ползущим по листу ватмана. Ну, и черт с ним, пусть так, ей легче проциять!»

У леса он остановился и вытер рукавом мокрое лицо. Лесная тишина успокоила его. Алмжик вышел из леса, задрожав, и по краям лежала тень, ораженные блики. Он взглянул на солнце, еписное низко в зеленом небе, и свернул, побежал кратчайшим путем.

«У тебя еще две недели», — сказала она себе — и было хоть что-нибудь вальцует. А потом вернуться в цех. — Он услышал ровный стук станка и кислый запах металла и горелого масла. — Зато никаких шефов. И голова идет вала за руками. И ничего больше. Вот только алмжик зычно, хоть два часа в ведеаю, без задержек, пожелай, по боюааа...

Он стоял на холме перед дымным и прямым спуском и думал о том, как вернется в Шереметьевскую, и одуревший от скуки бес бросится с бешеным лаем на забор, а в оквах приподнимутся завивки, в потом надо будет готовить себе стейк коньяком и шампанским и лет на четыре таракан. Потом он уснет, что у него было второе утро и легче работало за полчаса.

Он сильно и далеко оттолкнулся палками и почесался по складку вниз. И вдруг понял, что все сегодняшнее останется в нем навсегда и даст ему твердость. И, крикнув кому-нибудь, бину, подвал фонтан радужной пыли, исчез в этой пыли, за поворотом, в деревьях.

«ИДУ!..»

В тот день бригада старшего машиниста Николы Гривова долго не раскрывалась. По примеру молодого рабочего депо Москва-Сортировочная робота решима бороться за звание коллектива коммунистического труда.

— Мы первыми на Латвийской железной дороге принимаем вызов москвичей, — говорил бригадир. — А это означает не многому. Запомните: мы должны показывать пример в работе, учебе, дисциплине. Слышны, Николай, и в дисциплине! Не подведешь!

Николай Цыбульский, сильный, плечистый парень, случиюно зевнул на стула. Конечно, он понял, почему бригадир обратился именно к нему. До сих пор ребята не могут забыть ту драку в общестине, в которой он принимал участие. Да и не только драку. Ведь Николай сам знал свои недостатки: груб, вспыльчив, подчас дурачит только о себе. Да, теперь уже сыровос было не должно.

Это пошла вся бригада, все дружная четверка паровоза «ТЗ-3785». Дня и ночью, в любую погоду условия робота тяжелые составы, старались изменить только, постоянно поддерживая свой ритм в чистоте, в порядке, помогая отремонтировать неожиданно вышедший из строя паровоз. Вот об этом ремонте я и хочу рассказать.

Николай выскочил от скрина двери. Стараясь не шуметь, в комнату на цыпочках ходили Николы Гривова и Саша Краснов. «Ну, конечно, так я и знал, разбудил, полнучинно! И чего мы не спит!» Из реиса вернулся уже несколько часов назад, а в объезды только что закончил.

— Магулялся!

— А мы не гуляли... Саша Красновое устало растянулся на кровати. — Мы, Коля, ребята, ремонтировали паровоз. Тот самый, который поломался после реанимации своими силами. Дел там много. Мы как приехали, так и не уходил из цеха. Завтра очередь твоей смены.

Николай резко повернулся к стене.

— После реиса никто не имеет права заставить человека работать сверхурочно. Выходной полагается — и точна!

Поездка, как нарочно, была очень трудной. В самотрое ствало было сильные струи холодного ливня. Цыбульский и его помощник Ольгерт думали напрямикю смотреть вперед. Много сил и энергии требовалось от экипажа, чтобы точно в срок, без задержки провести тяжеловесный состав.

А когда паровоз, в последний раз тязило вздохнул, замер на месте, Ольгерт двинулся не торопясь снимать комбинезон. Он знал: тут сейчас, каваррибый, паровоз уже стоит в ремонтном цехе. Ольгерт истинно ругнулся.

— Ты идеши, Николай!

— Иду!

Никто до сих пор так и не знает, что перодумал в ту ночь комсомолец Николай Цыбульский. Но всем было бы интересно узнать, почему так случилось. Бригада была признана, что коллектив паровоза «ТЗ-3785» работал отлично. И лучше всех — молодой машинист Цыбульский.

Да, на удачливом ливне в грязь робота первой выехал бригады коммунистического труда. ВЛКСМ бригаду в день «Рига» уже несколько достоян. И с несколькими месяцами не будет все больше.

П. ЗЕПС,
машинист, бригадир коллектива коммунистического труда, секретарь цехового комитета ВЛКСМ Латвийской железной дороги

г. Рига.

ЗАГАДКА МЛЕЧНОГО ПУТИ

Ирина РАДУНСКАЯ

...Земля погрузилась в сон. Солнце перестало зажевывать звезды, и они появились на небосклоне. Этого момента дожидались астрономы. Уединившись в уютных башенках, они пригляди к гигантским телескопам.

Воображение в мгновение ока перенесло их к далеким звездным мирам, туда, куда свету — самому скорому путешественнику — приходится добираться сотни, тысячи и миллионы лет...

Так повторяется каждую ночь, начиная с памятного 1609 года, когда Галилей впервые направил в небо свой телескоп.

Тогда и был раскрыт секрет полоски слабого жемчужного света, пересекающей небо. Призрачная дуга, которую мексиканцы поэтично назвали «маленькой белой сестрой равноцветной дуги», героиня бесчисленных легенд и сказаний, предстала перед Галилеем хоромом слабых звезд, разбрызганных по бархату ночного неба.

Как гигантская карусель, кружится в мировом пространстве Млечный Путь — наша Галактика. Столетие назад крупнейший английский астроном Вильям Гершель доказывал, что где-то южнее ее оси находится и наше Солнце со своей спутницей Землей. А Млечный Путь вращается вокруг нас.

Как оказалось впоследствии, Гершель ошибался. Но когда ученые определили настоящее место Солнца в Галактике, (где-то

на расстоянии трети от ее центра, но никак не могли заподозрить «особобдищенное» место...

ЧЕРНОЕ ПЯТНО

Вселенная отлгивала человека! Как разгадать ее душу, ее тайны, если наше прошлое, настоящее и будущее — лишь мгновение в истории Вселенной?

В самом деле, пока тот свет от ближайшего звездного скопления, который мы видим сегодня, дошел до нас, на Земле успела разыгратись вся писаная и неписаная история человечества. Сотни поколений родились, прожили свой век и умерли. Государства расцветали, приходили в упадок, горели в огне революций и вели жестокие войны; одна культура сменялась другой; люди развивали технику, воздвигали здания науки...

Век за веком люди неуклонно проникали все дальше в недра Вселенной. Еще недавно астрономы интересовались лишь Солнцем и Луной, планетами и немногими близкими к Земле звездами. Но приборы, с помощью которых они исследуют Вселенную, все более совершенствуются, и все больше тайн открывается человеку.

Придет день, когда астрономы обшарят всю Вселенную. И, конечно же, придет день, когда люди совершат с помощью новейших аппаратов и первое межпланетное путешествие.

Но это еще будет. Пока что

астрономы изучают улицы и площади, районы и пугстры своего звездного города, который носит название Млечный Путь и где Земля — скромный дом. Этот наш дом, как и весь район солнечной системы, скупо освещен лишь одним слабым фонарем. То ли дело район созвездия Геркулеса. Там каждая блестящая точка — светило куда более яркое, чем Солнце.

Неплохо бы погулять по известным огням улиц Млечного Пути. Но от Земли к ним ведет дальняя дорога. К самым близким проспектам Геркулеса, если добираться со скоростью света, не хватит и трехсот земных столетий. К центру города — десятки тысяч лет. Что же касается окраины, то туда не добраться и за сотни тысячелетий. А если бы мы вздумали обойти наш город Галактику вместе с одной из окраинных звезд, то на это потребовалось бы два миллиона земных столетий.

...Знакомством с ядром Галактики не мог пожелаться до последнего времени ни один астроном в мире. На пути к нему лежал облак непрозрачного, задедневного газа и пыли, так называемые «толстые ямы».

— Не знаю, — отвечал известный английский астроном Джеймс Диндж, когда ему задавали вопрос, что же таит в себе ядро нашей Галактики. — Вероятно, центральное Солнце Вселенной никогда не откроется глазам человеческого рода...

А может быть, такого Солнца в действительности и не существует? — гадал он. — Может быть, место за черной, непрозрачной завесой занято чрезвычайно плотной и огромной кучей обноренных звезд? Мы не можем знать, чем заполнено пространство за черным занавесом. Мы можем только быть уверенными, что там сосредоточено колоссальное количество материи, которая управляет и величиной космического года и движением всех звезд.

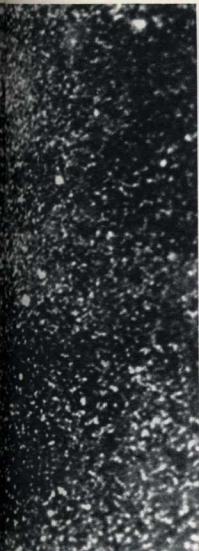
Это было сказано в 1930 году. И еще через двадцать лет вопрос о центре Галактики оставался почти в том же положении. На карте звездного города в центре, как жлякса разлитой туши, лежало черное пятно.

Одни из самых авторитетных астрономов мира, директор Гарвардской астрономической обсерватории профессор Шепли, вторит Динджену:

— Ядро нашей системы требует особого внимания. Его тайны закрыты от нас сильными поглощением, которое скрывает ядро и, может быть, закроет его совсем.

РАДИОВОЛНЫ СТИРАЮТ ПЯТНО

Юра Парийский стремглаз забежал на второй этаж радионастрономического корпуса Пулковской обсерватории. Зажав в руке обрывок ленты, только что вынутый из самописца, он бе-

Галактики. Все началось с того, что ученые решили обратиться к спектру инфракрасных лучей, позволяющих видеть в темноте, сквозь туман и дымовые завесы.

И вот в 1948—1949 годах соетские ученые А. А. Калинин, В. И. Красовский и В. В. Никонов уже фотографировали инфракрасные лучи, пробившиеся через толщи межзвездного газа и пыли, и на туманной фотографии с трудом разгадывая большое звездное облако. Снимок слишком слабый, расплывчатый, неопределенный. Делать выводы рано...

Но толчок был дан. Стало очевидно: надо во что бы то ни стало искать ветрени если не со светом, то с какими-то другими волнами, для которых пыль и туман не помеха.

Около двух десятков лет назад в астрономии ворвался звездный вихрь. Ученые обнаружили, что там, где не пройти ни снимку, ни желтому, ни красному свету, открыта дорога разгадывающей. Они свободно пробиваются и через золотеище толщи «угольных ям».

Родилась радионастрономия. Под ее напором лопнули многие преграды. Разрешилась куча вопросов. Радиоволны указали чужим путь и в центр нашего звездного города.

«Однако и на этом пути ученых поджидали трудности. Методы поисков были определены не сразу. Американские ученые Янжский и Ребер получили изображение ядра Галактики в лучах метровых радиоволн, и оно разочаровало их.

Положите перед глазами на стол много мелких предметов и попросите описать их. Он не станет накрывать их все вместе ладонью, а будет описывать каждый из отдельных.

Вначале радионастрономы пытались именно «накрыть» невидимый космический предмет широкой «ладонью» метровых радиоволн. Ясно, что их «ощущения» были расплывчаты. Они получили лишь общее представление о ядре, которое ничего им не объяснило. Слишком несовершенными были первые радиотелескопы. Одной из главных задач было создание аппаратуры с острым «зрением», с тонким «слухом». Ученые решили, что радиотелескопы должны иметь как можно большие размеры.

И скоро попали в ловушку. Громоздкие, гигантские «уши» пробились под собственным весом, боялись даже дуновения ветра, а слышали все равно плохо... «Мысль создать чувствительный и острозидный прибор—разведчик Вселенной—преследовала Хайкина еще со времен его молодости. Он думал над

этим еще тогда, когда на борту теплохода «Трибланда» вместе с группой первых радионастрономов пылал к берегам далекой Бразилии исследовать затмение Солнца в радиолучах. Когда двинулся на гору Кошкка, что под Симоном, выбирал удобное место для будущей Крымской радионастрономической обсерватории. И в Москве, в Физическом институте имени Лебедева, где родился первый робкий контур оригинального прибора...

И вот этот радиотелескоп создан в Пулковской обсерватории под Ленинградом.

Двадцать блестящих шифров выстроились, как на параде, образовывая дугу длиной в сто тридцать метров. Этот телескоп не имеет традиционной чашеобразной формы. С. Э. Хайкин и его ближайший помощник Н. Д. Кайдановский разработали совершенно оригинальную конструкцию. Их радиотелескоп, как губка, впитывает даже чрезвычайно слабое космическое радиолучение, выхватывает самые небольшие его участки.

Он и помог Юре Парийскому добиться того, чего не могли снискать самые заслуженные астрономы всех времен.

«КОСТЕР» ПЫЛАЮЩИХ ЗВЕЗД

Цветная кривая, которую получил Юра Парийский на радиотелескопе Хайкина и Кайдановского, не спешила раскрыть ученым свой секрет.

Вот перо самосиopa вызвало ровную полосу. Здесь глаз радиотелескопа шарил еще где-то довольно далеко от центра Галактики. Радиолучение было ровное, как воды спокойной реки, подернутые лишь легкой рябью.

Ближе, ближе к ядру... Ленточка взметнулась вверх—это жало прибора заглянуло в самое сердце Млечного Пути. Телескоп отводил взор чуть дальше—кривая успокаивается, спадает, и уже снова—ровное дыхание радиоволн.

Что же порождает стихию радиолучения в ядрах Галактики? Что там находится?

Вот что открылось глазам ученых.

Гигантский костер пылает в центре нашего звездного города. Чтобы поддержать его горение, природа подбросила в него кучу кипящих звезд. Их масса равна массе 10 тысяч солнц! Тучи горячих ионизированных газов прожигают немаленькие пламя. В такой жар (Парийский подсчитал, что температура там не меньше 10 000°) не уцелел «жизнь» ни один атом.

«Костер» так велик, что внут-

ри него поместился бы весь район галактик Солнцем и ближайшими к нам звездами. Чтобы пройти сквозь этот костер, свет должен затратить двадцать лет. И все-таки радионастрономы считают, что они обнаружили очень маленькое ядро. Маленькое по сравнению с размерами Галактики: ядро в 4 тысячи раз меньше ее диаметра.

Вокруг «костра» костер поочередно выстреливает потоки энергии в цепочку пяти магнитных полей. Процессы внутри космического котла как раз и порождают стихию радиоволн, замеченных учеными Земля.

Большое открытие сделали советские астрономы. Конечно, практической пользы на этот пока не галактика. Но для изучения Вселенной, познания законов мироздания оно неоценимо. Знакомясь с жизнью Космоса, ученые анализируют, сопоставляют факты, ищут законы, рождаясь теории, из теорий—прочные, объективные знания.

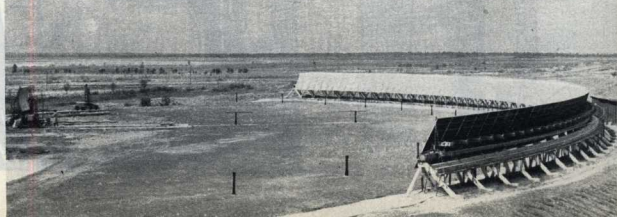
Одни галактики только родились, другие уже состарились. Изучая их в разных стадиях эволюции, можно делать выводы о возможных вариантах их зарождения, развития. Можно по состоянию звезд судить об их прошлом, настоящем и будущем. Это что особенно интересно. Открытие советских ученых совпало с исследованиями американского астронома Вааде, который обнаружил ядро туманности Андромеды. Это ближайшая к нам галактика. Она во многом, как сестра, похожа на нашу.

Вааде изучал центр Андромеды в видимых лучах. Путь к нему свободен от пылевых завес. Сильная телескоп позволил ученому обнаружить в центре облако, состоящее из отдельных звезд. А главное, размеры ядра Андромеды удивительно точно совпали с размерами, вычисленными Парийским для ядра Млечного Пути...

Совпадение? Конечно, нет. Очевидная закономерность. Звезды, звездные скопления, галактики развиваются не хаотично, не произвольно, а по строгим законам мироздания. И отгадывать их не безнадежная задача, как считали многие ученые-идеалисты. Как явление явления, жизнь Космоса познаваема. И что не познано еще сегодня, будет познано завтра. Если не нами, то нашими потомками. Человечеством.

Да, прав был тот, кто сказал, что в тайнах никогда не будет недостатка. По крайней мере так долго, как долго будет существовать люди, способные размышлять над ними.

С помощью этого радиотелескопа удалось «рассмотреть» ядро Галактики.

«МОЛОДЕЖЬ ЗА ДСМ»

ДСМ — эти три буквы часто появляются в последние время на страницах нашей газеты. О ДСМ пишутся статьи, очерки, заметки, информационные сообщения.

ДСМ — это сокращенное название Дунайского студенческого комитета крупной стройки второго пятилетнего плана на Венгерской Народной Республике.

Эта комбинат должна быть пущена в апреле 1963 года. ДСМ будет вынуждать такое количество продукции, которое не удовлетворит местные предприятия Венгрии, вместе влетает.

В мае этого года Центральный Комитет Венгерской Народной Республики Советского Союза молодежи решил влить шефство над ДСМ. ЦК КСМ хочет сделать строительством

жизни собой. На всех пред- ставлениях, по- вышениях, по- ставлениях как комбина- та, молодежь следит за тем, чтобы название ДСМ выполнялось в срок; все оборудование пона- весткам: «Мо- лодцы за ДСМ».

На рисунке: танк бу- дет комбинат в 1963 году.

Е. ТУМАРИНА

Черный Ромео и белая Джульетта

Главный герой этой исто- рии — студент колледжа «Аль-ма Матер» Варрару Саттон. Он как пишет газеты, он вхо- дит в состав студенческого комитета США. По его мнению, Варрару не очень, часто ди- рективитель «низшей ра- ны» — потому что все же не так студенческих встреч и по договорился подальше от больших движений, хотя на со- динировали ему.

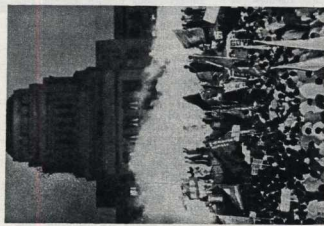
Среди студентов была и Лоблер, дочь одного из богатых родителей. Это была серьезная, мечтатель- ная девушка. Варрару похва- лился ей, потому что она была работавшей подальше от студенческого студен-

Варрару нравилась девуш- ка, потому что она была по- хороши на него. Он считал, что она была «низшей ра- ны» — потому что все же не так студенческих встреч и по договорился подальше от больших движений, хотя на со- динировали ему.

Убийство во всех видах

«Убийство» — самое рас- пространенное слово в на- шей газете. Убийство — это убийство. Убийство — это убийство. Убийство — это убийство. Убийство — это убийство.

Мы все. Тонень. Требуется: Двойной паке бумажки, «Преприятие» тут войны.

Выступил посланно по аэропортному слову. Разно и «зеленого», при- чем ратификация так называемого «высшего-аппозитного» «договора» значительно переопределяет отмену «интернационального визита» в Японию.

ДОГОВОР О ПОМОЩИ ДВУХ ВЗАИМОПОМОЩЩИХ
— Мы с тобой одна семья: куда ты, туда и я!

Наша газета... Мы с тобой одна семья: куда ты, туда и я!

А. ГРИШ

ИГРУШКА

Рассказ

I

Все мы знаем прекрасную страну, выдуманную Александром Грином: ее неизгладимые портные города, заросшие буйной зеленью, насквозь пронизанные суровым и ласковым солёным ветром, ее сильные и смелые люди, исполненные непобедимой веры в приход счастья и справедливости.

Но далеко не все знают, как Грин начал свою литературную деятельность. Первый рассказ его был напечатан в конце 1906 года: в нем он писал о жизни русских революционеров.

Произведения начального периода творчества Грина непосредственно отражали его жизненный опыт, давший ему возможность широко узнать русскую действительность и возненавидеть ее «жизней».

В ранних рассказах Грин описывает современную ему жизнь, «скупую, злую, глупую и мелочную»; он показывает самые различные ее стороны: стесненный быт, убийственную скуку маленьких провинциальных городов, разорение деревни и тяжелые условия жизни рабочих, чужды и обидны босякам.

Рассказ «Игрушка» характерен для раннего творчества Грина. В нем ясно видна социальная заостренность, обличительность. Грин старается воздействовать на общество своим знанием, показать, и чему приводит система воспитания детей в условиях царизма. В то же время в рассказе в полную силу звучит характерная для всего творчества Грина тема гуманизма.

Рассказ публикуется впервые.

О. ВОРНОВА

В один из прекрасных осенних дней, полных светлой холодной задумчивости, внезапно сияние солнца и желтых, бесцельно падающих листьев, я гулял в городском саду. Аллея была пуста, пахло прелью, земляной сыростью; в бороздке листьев светилось чистое голубое небо. Это был старинный провинциальный сад, безразный вдоль и поперек неприглядными тропишками; сад с оврагами, густо поросшими крапивой; с киприческим кустиком и подуступившими рододендром. Огромные столетние липы и березы почти закрывали небо; в их влажной сонной тени было так хорошо прилечь, наблюдая маленьких краснокружких синицек, прыгающих по земле. Я шел, помахивая тросточкой, вполне довольный настоящей минутой, тихой и легкой. Послеобеденными мыслями. Поворот с аллеи на узкую тропинку, и заметка двух мальчуганов, присевших на корточки в густой высокой траве, и подошла к ним совсем близко. Сейчас нужно прилечь, почему это так вышло. Я человек довольно замкнутый, трудно стлавившийся с кем бы то ни было, даже с детьми; возможно, что меня привлекало сосредоточенное

молчание маленьких незнакомцев, изредка прерываемое напряженными возгласами. Оба так погружались в свое занятие, что я, незамеченный, очутился около них не далее десяти шагов и притаялся за деревом. Мальчики продолжали возиться, устраивая что-то свое, поинтерное им и никому более. Вытнул шею, я разглядел обих. Один, постарше, лет, вероятно, двенадцати, круглолицый и низенький, выглядел сильным, задорным крешником, румяным и загорелым. Другой, тоненький, высокий, с бледным и истощенным лицом и оттопыренными ушами, производил более симпатичное впечатление; природа как будто пожалела его, вознаградив парой чудных выразительных глаз. Одежда была оба они в более гимназические блузы и форменные фуражки. Крапива и опухли мешали мне хорошо рассмотреть странное сооружение, возведенное мальчишками. Я был уверен, что эта незамысловатая постройка превратится со временем в уродливую глыбу земли и палок под громким именем «крепости желтой ружья» или «форты биозов» — забавка, которой увлекался я в те безжизненные времена, когда дядня мой бренок не превышала еще одного аршина.

Пока я гадал, старший мальчик согнулся, ступая что-то перочинным ножом, и я увидел два невы-

соких кола, торчавших из земли очень близко друг к другу. Вершины концы их сошлись в короткой, прибитой гвоздями короткой. Тут же слышался блаженный мальчугану валилась грязная, сканная тряпка. Круглолицый сунул руку за пазуху и сказал:

— Думал, потерял. А она здесь. Он вынул что-то зажатое в кулак и показала приятелю. Потом бросил на землю. Это была бейсболка, смотанная клубком. Я ухватился в этот момент тоненькие неопределенные зиги, выходящие казалось, из-под земли. Глобалистик кончик стружки и встал. В руках у него была толстый заостренный кусок дерева. Он воткнул его в землю между вертикально торчавших колами, взял бечевку и крепко и аккуртно завязал ее конец вокруг только что воткнутого колышка. Другой конец спустил через перекадану, и я увидел... петлю. Младший, упиравшись руками в согнутые колени, внимательно следил за работой, старательно помогая товарищу убраться и языком, точь-точь как на уроке чистописания. «Готово, Синица!» — сказал крапива, и быстро оглушиться, прибыва торжественным сухим голосом: — Ведите преступника!

II

И тут я сделался свидетелем неожиданной обратительной сцены. Грязная тряпка оказалась мешком, Синица встряхнул его, и на траву, беспомощно расставшая крошечные дрожжащие лапки, вывалился селевой котенок. Он шатался, тыкаясь беспомощно головой в траву и жалобно тонко скула, дрожа всем телом.

— Ревет! — сказала Синица, любовно следя за его движениями.

— Смотри, Буланов, на тебя пошло.

— Он думает, что мы его оправадим, — сердито сказал Буланов, хватая котенка поперек туловища. — Знаешь, Синица, ведь все преступники перма сначала притворяются, что они не виновны. Чего орешь? У-у!

Я вышел из-за прикрытия. Мои появления смutilо мальчиков; Буланов взорвался и урчал, кидая в меня окурок; Синица испуганно расправила глаза и радостно замгла, подгибая ремешок блузы. Я приветливо улыбнулся, говоря:

— Что перепомнилась, ребята? Вышло, вышло. Ничего страшного. Оба молчали, переглядываясь, и по сердитым выгнутым лицам им было видно, как глубоко я им недоволен в ту минуту. Но угодить я не собирался и продолжал:

— Экие вы труслики! Что это у вас? Качели!

Буланов вдруг неожиданно громко прыснул, побоготвор, как видишь. Сравнение с качелями, очевидно, показалось ему забавным. Синица откатился и протянул тоскливым, умоляющим голосом: — Это... это... видите ли... вот... высидите. Мы хотели поиграть... вот... а...

Он умолк, заблудившись волнением, но Буланов поддержал его.

— Так, ничего, — равнодушно промолвил он, рассматривая доску слухов сапог. — Ирма. А вам что?

— Да ничего, хотел посмотреть.

— Вы, может быть, дратьс думаете? — продолжал Буланов, ве-

доверчиво отходя в сторону.— Так вы парываетесь, у меня рогатка в кармане.

— Да, Буалов,— укоризненно сказала я,— я совсем не хочу драться. А вот зачем вы хотели котенка повесить?

— А вам что? — торопливо заговорила Синица.— Вяз-то не все ли равно! Все одно его ушито котенком... и еще трюх... Я у курочки выпросил... Вот...

— Ему все равно,— подхватила Буалов.

— Так ведь вы не умеете,— сказала я,— тут нужно знать дело. Мальчики переглянулись.

— Умеем! — тихо сказала Буалов.

— Ну, как же?
— Как? А вот как,— слова заговорила Синица.— Вяз-то не все ли равно! Все одно его ушито котенком... и еще трюх... А стоит он на стуле... Потом падач белая падает и т.д.

— Брешу! — горло перебила Буалов.— Вот и трюх! Сперва еще бляхон надутую... совсем... с голоду... Ну? Не так, что ли?

— Бляхон? Да,— покорино повторила Синица.— А потом — раз! Стул из-под него выпадет — и вся завала.

— Это что же тебе рассказало?
— Кто? Вот он.— Синица указала на Буалова.— А ему дядя рассказало.

— И он весь бывает синий,— добавила Буалов, наматывая бечку вокруг пальца.

— Котенка оставьте,— сказала я.— Жалко. Бросьте эту затею! Дети молчали. Мое заявление, по-видимому, не было для них意外, ожидаемо, они предуготованы и не обманулись моей смиренностью. Наконец, сядя и краснея, Буалов сказал:

— Людей можно, а котят — нет!

— И людей нельзя.
— Дядя говорит: можно,— возразил мальчик, окинув меня критическим взглядом, и прибавил:— Он умнее нас. Он за границы бьд.

Возражения становились бесполезными. Авторитет дяди окончательно уничтожил меня в глазах моих противников. И как уверяет, что не он, дядя, умнее, а я? Я углядела ногой миниатюрную вилочку, она раскатилась. Гимназистки, оторопев, пустились бежать со всех ног, бросив на произвол судьбы котенка, мешок и неиспользованную бечку. Зверек прыгнул и ползая, пулся в высокую степь.

Я обратил их в бегство, но была ли я победителем? Нет, потому что они остались при своем ясном и логическом рассуждении: «Если людей можно, то кошек — тем более...»

Быть может, впоследствии, когда жизнь ярко и выкулко развернет перед ними свою злодательку, Синица и Буалов присомнатся с остротой к кошкам и извучат титательно воспынать откормленных сибирских котов, но теперь как отказаться от нового романтического удовольствия, приближающего их детские души к непонятному полумогучему триггеру современности, захватывающему и интересному, как роман из индейской жизни? «Там» вешают... и м.я... Вплотаящая детская... Какова их судьба?

Верный курс

В редакции сидит крепкий человек с обветренным лицом, в черной форменной шапурю. На ней — эмблема капитана дальнего плавания. Рассказывая себе, он точно и подробно перечисляет названия судов, места, где довелось бывать — Суэц, Сингапур, бухта Провидения, Лиссабон... и очень долго, нехотко говорит о стихах...

А о стихах Александра Мазуркина стоит поговорить. В 1957 году в «Смене» были напечатаны два его стихотворения. В них чувствовалась та мушкетерская простота, энергия, которую не могла не подкупить читателя. Творчество человека неотделимо от его биографии — эта истина применима уже много раз и много и перемотано. Но стихам Мазуркина — это не только поэтический «чужой дневник». Радует его тагетение и философское лиризм, и глубоким раздумьям, стремление ответить на основные для интеллигентного человека вопросы. И нам кажется, что именно здесь поэт может добиться удачи.

Пока еще стихи Мазуркина верны. Иногда он идет «по натыкам следам», и тогда его не выручат даже интересные жизненные материалы. Большая работа предстоит ему еще и вне форм. А главное, ему надо, как говорит поэт, «определиваться в позиции, точнее найти свое место в ней, с тем чтобы увереннее двигаться вперед».

На вопрос о его планах Александр Мазуркин отвечает коротко: «Буду продолжать плавать и дышать». Что же, нам внят верный курс! Пожелаем ему успеха.

Дмитрий НАГАЕВ

АЛЕКСАНДР МАЗУРКИН

ФОТОГРАФИЯ

Это ты и не ты.
Это — как фотография.
Это — как фотография.
Это — как фотография.
В сожженных снегами глазах.
Ропачами!
Встает на дыбы география —
Сжатый лед
И безводной земли волоса.
Не отравлены снегом.
Нанесены ноземь.
Самолет — не сеть,
Корабль — не дойти...
Только чайки взлетают,
И те бестолковы...
Да холодное солнце
В бессонном пути.

КИНО

Звезды
Пресытились, как зерно.
Нет, духота, она ушла с закатом...
..На верхней палубе
Крутим кино
«Мы из Кронштадта».
Седьмые сутки стоим в порту.
Седьмые сутки
Ни шагу с борта.
А с экрана
Матросы идут,
Не вприпоре бота и черта!
И в ленточках — ветер,
Вальтиский, сжесткий.
..Рона и — торосное образо-
вание.

..И весь покрытый звездами зал,
И тусклым причал и звездная
Текут?

Сапунют
Интернационал!

ОБЕД

Подбедь,
Обеденный перекур.
О, нет — далеко не снесла!...
Гручик,
Черный, как смолкокур,
Ищет в тени.
Плодубней место.
Бутылка вина.
Тощая рыба.
Но — от души:
— Угощайся, друг!
И пусть не сало —
Понятна улыбка
И дружелюбность
Рабочих рук!

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Эти звезды горят
Высоко-высоко,
Словно судьбы
Чужих поколений.
Сквозь холодные бездны
— Телу (Тахо) — рона в Порту-
галии.
С нестер — полуденный отдых
(исп.).

Минувших веков,
Савоз сплетены
Спикх растений.
И когда прозреется
Обод луны
Над замолкшими на ночь садами,
Поднимаются к звездам
Усталые сны,
Как далеком,
Тихое пламя.
И онять
Не закрыть до рассвета глаза.
И онять
Все смотреть до рассвета,
Как мерцает Полярная
Скупная слеза
В душных звездах
Туркменского лета...

ЗАГАД ПУСТЫНИ

Этот камень не крыт глазурию,—
План над ним писанные буй,
Шафалды рыжые стены...
А теперь — песок по колено.
И остался палты обломок
С полустертыми письменами.
Но не может прочесть потопом
Надпись, сглаженную веками.
Линь барханы идут в атаку,
Да песок и солнце упрямо
Кроют камень пустынным лаком,
Самым прочным, красивым
самым...

КОГДА БРИГАДА РУЧАЕТСЯ

Слава жил в тундре уже несколько месяцев. Кто-то крепко обидел этого парня, недавнего воспитанника детдома, и он убежал из Норильска. Питался Слава готдами, ловил рыбу. Но зимой, когда ударил сильное мороза, стал замерзать. В это время его и встретили ребята из нашей бригады. Мальчишка был злой, мрачный. Что же делать с ним! Можю было, конечно, отправить в город, сдать в милицию. Покалуй, раньше мы так и поступили бы. Но теперь, когда бригада присвоила название коллектива коммунистического труда...

— Хочешь работать у нас!
Слава недоверчиво усмехнулся:
— Все равно не возьмете...
— Возьмем!

Некоторое время Слава жил по очереди у каждого члена бригады. А мы тем временем ходили в горном парти, в милицию, доказывая, что ручаемся за парня, что будем помогать ему в работе, сделаем из него человека...

Сейчас Слава Никифоров — прекрасный слесарь, выпускает нашу сатирическую газету «Юмочка», собираясь продолжить учебу.

Монтажники из нашей бригады стали для него самыми близкими товарищами. Работая с ними, Слава почувствовала заботу коллектива о каждом человеке, испытала чудесную силу дружбы.

А друзья у нас крепкая. Она проявляется во всем, и прежде всего, конечно, в труде. Помню, однажды на шахте № 16 — 18 замерзла вода в трубах. Исправить аварийно поручили нашей бригаде. Пять суток, сильная зима, отогревали трубы Николай Игнатюк, Александр Рыбенчук, Алексей Тертерин и другие ребята. Дело было в феврале, мороз стоял лютой — свыше 45 градусов. Но пока задание не было выполнено, никто не ушел на отдых.

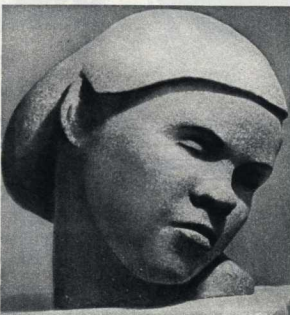
В прошлом году бригада перешла на хозрасчет. Раньше «главными действующими лицами» на стройке бы начальные участка. Ежедневно выделена бригада необходимого количества материалов, он нес всю ответственность за их использование. Но нередко случалось, что рабочие неожиданно переводили на другой объект, и они просто бросали оставшиеся материалы, на заботясь об их сохранении.

Теперь дело обстоит иначе. Бригадир, получив рабочие чертежи, сам определяет, какое количество труб, бетона, металлоконструкций, электродов требуется для выполнения той или иной работы. Теперь уже вся бригада следит за рациональным использованием материалов.

И вот результаты: за первый квартал нынешнего года мы сэкономили 60 килограммов электродов, 28 кубометров бетона, много дресвины, кислорода. А ведь это — только начало.

Н. КОРОТКИХ,

бригадир комбинато-монтажной бригады монтажников «Спецстрой» Норильского горнометаллургического комбината г. Норильск.

«Мать». Из серии «Люди труда».

«Мышлони»
Из серии «Юнцлагерь».

В Москве, недалеко от станции метро «Аэропорт», в подвальном этаже нового дома находится мастерская молодого скульптора Эриста Неизвестного. О его творчестве много говорят, много спорят. Это и понятно. Каждый новый талант несет с собой неожиданности, неприличность, бескомпромиссность, волнение. Лишь посредством сотрудничества тишь и гладь.

Когда-то Великий рекомендовал судить художника по тем законам, которые он сам для себя устанавливает. Но это не всегда бывает легко. Эрист Неизвестный обладает счастливым даром мыслить в искусстве, четко формулировать свои воззрения. «Для меня», — пишет он, — красота в силе, в напряжении. Все живое напряжено и полно, как яблоко. Напряжение может быть грозным — это война! радостным, восторженным — это юность. Напряжению начинаются с идейно-композиционного замысла и находят свое разрешение в форме и поверхности.

В свете этого самым мастером установленного критерия мне и хотелось бы поговорить о его работах. При всем многообразии их можно разделить на четыре цикла: «Люди труда», «Война», «Концлагерь», «Гротески».

Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной стоит небольшая бронзовая фигура — «Калека». Крепкое обнаженное мужское тело, обрубленное не прихотью скульптора, а войной, опирается на две могучих руки с кистями, большими, как ступни перетруженных ног. Голова откинута к бугристой-мускулистому плечу. Влице не то что бы страда-

ние, в томлении сильного, полного напряженной жизни человеческого существа, беспощадно обмороченного войной. Прокисла широкая спина, плечи, грудная клетка, прекрасно и горестно это мужское тело, созданное для труда, борьбы и любви. Скульптура пронизана «грозным напряжением» — это война и одновременно это приговор войне.

Символическая фигура «Земля и атомы» принадлежит прямо к циклу «Война», но она как бы завершает раздумья скульптора о нечисленных бедствиях, которые несут человечеству кровавые боины. Это образ земли, влюбленной в своих детей, во всю породившую ее жизнь, которую она не даст подвергнуть истреблению... Несколько условна фигура женщины. Смело и нежно намеченная линия бедра и колена несут в себе красоту женственности. Суженная верхняя часть туловища и голова, будто под шлемом, принадлежат востальной.

Я ловлю себя на том, что, думая об этом произведении Э. Неизвестного, вижу его огромным, как монумент. А на деле фигура невелика — меньше метра высотой. Кстати, в памяти почти все работы скульптора — из бронзы или гранита, мрамора, чугуна — кажется куда крупнее их настоящего размера. Если можно так выразиться, Эрист Неизвестный — скрытый монументалист.

Известная условность «Земля и атомы» ни в какой мере не является результатом формальных ухищрений. Напротив, она родилась из идеи, из широких обобщений, из стремления сказать о многом просто, скуп-

ШУТИН ИСКУССТВО

Юрий НАГИБИН

«Высота». Из серии «Люди труда».

«Слезы». Из серии «Концлагерь».

и предельно выразительно. Здоровый рассудок, непосредственная душа не захотят от этого произведения житейского правдоподобия. Ведь это гимн, а не лирическая песня.

Напряжен не всегда должно быть грозным или восторженным, оно может быть и нежным, как, например, в «Мышонке» — скульптуре Неизвестного из цикла «Концлагерь». Печальный мальчик-заморыш держит в худеньких руках мышь. Нежная клетка его рук наводит на мысль о другой, страшной клетке, которая держит его самого. Образ страдания исполнен щемящей красотой. Форма полна и налита напряжением скорбной нежности, как яблоко соком.

Во всех своих лучших работах: будь то «Железный торс», «Мулатка», «Непокоренный», голова Джордано Бруно или образ Анны Франк, в портретах людей труда — сварщиков, литейщиков, токарей, — Эрнст Неизвестный верен себе и вознагражден удачей. Но есть у Неизвестного ряд вещей, где он отступает от собственного кредо, это «Смерть от взрыва», «Братоубийцы», «Распад». Наиболее характерная из них «Смерть от взрыва». Сплошенное человеческое тело будто выковано на условные и плоскостно изображенные толки взрывного потока. Это бронза, но она производит впечатление картона или окрашенной в смуглый цвет фанеры. И где уж тут полнота формы? Да и по существу неверно передано внешне и внутреннее состояние человека, попавшего в взрывную струю воздуха. Мне довелось испы-

тать нечто подобное в дни войны. Очень трудно передать то бредово-странное ощущение, которое пронизывает тебя на миг, перед тем, как гаснет сознание. Я бы сказал, что оно, как «каригно», не «плоско», а округло, как спираль, воронка или смерть. Но доло не в личных ощущениях. Лесная бронза этой фигуры, а также «Смерти от удущья» и некоторых других работ лишена художественной убедительности. И другую услугу оказывают молодому скульптору те «доброжелезники», которые пытаются поднять на шпатель эти слабые, ущербные его работы. Тем более, что они не являются главными и определяющими в творчестве художника.

Хочется указать еще на один творческий принцип скульптора. Он сам точно его формулирует: «Материал не безразличен к идее». Вот почему для каждой работы Э. Неизвестный находит тот материал, который в наибольшей мере соответствует природе изображаемого. Серый гранит для «Земли и атома»; полированный гранит для «Мулатки»; для «Ребенка» — прозрачный, розовый камень оникс, тронутый нежными голубыми прожилками; для «Работы» — чугун.

Неизвестный сам камнетес и литейщик. Он не доверяет чужим рукам завершение своего замысла, воплощенного в глине или гипсе, сам переводит его в камень, мрамор или чугунную литею. Порой он работает прямо в формочной замке, то есть создает скульптуру как бы изнутри, с внутренней стороны. Далеко не каждый скульптор обла-

дает столь развитым чувством формы, таким объемным «мышлением рук».

Когда Неизвестный на одном из уральских заводов отлял в чугуне барельефы «Работы», а цех забегала молоденькая лаборантка и брезгливо сказала: «Фу, как грубо!» «А чего бы вам хотелось?» — спросила ее. «Красного, мраморного!» «Мрамор — для голубкой — провучал веский ответ одного из тех, кто был изображен на барельефе. — А мы — люди железные, мы — люди чугунные!» Литейщик сразу постиг правоту скульптора, и это не удивительно. Но удивительно, что иные профессиональные критики не поднимаются выше уровня брезгливой девицы. Один считает, что чугун оскорбител, принижает модели, другие вообще отвергают такого рода поиски материала, считая это формализмом. А ведь всем ясно и понятно, что именно в реалистическом искусстве и тема, и форма, и материал должны быть слиты воедино. Точно найденный, «обласканный» руками самого скульптора материал помог Неизвестному добиться в портретах людей труда большой силы обобщения.

Наиболее новым в многогранном, идущем своими, непроторенными путями творчестве Неизвестного — это дух современности, пронизывающий все его лучшие работы. Эрнст Неизвестный под ступь своим любимым героям: топарям, литейщикам, сварщикам. С молотком и зубилом в сильных и чутких руках он смело врывается в пласт современности.

ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

О СПОРНОМ И БЕССПОРНОМ В РОМАНЕ В. ТЕНДРИКОВА «ЗА БЕГУЩИМ ДНЕМ»

Новый роман В. Тендрикова «За бегущим днем» («Молодая гвардия», № 10—12, 1959 г.) начинается с размышлений автора о будущем. «У каждого человека есть одно, свое собственное, личное, неприсвоенное для других. Будущее — это воздух жизни, движение жизни, это сама жизнь...» В заключении романа главный его герой Андрей Бирюков говорит: «Завтра — первый день. Завтра и поспею дальше своей счастливый крест к неизведанному, к непротоянному, к бесконечности». Мысль о будущем пронизывает роман, именно будущее является тем высшим критерием, которым оцениваются поступки и характеры действующих лиц романа. Герои этих «бегущих дней» — обычные, «заурядные» люди, поставленные вписавшим в обычные жизненные обстоятельства. И в то же время детали бытия для почти не интересующего Тендрикова Подлинное назначение человека, смысл его жизни, долг перед обществом — вот проблемы волнующие писателя. Поэтому столь явны публицистичность романа.

Со страниц произведения Тендрикова встает сложный образ человека-правдолюбца, требовательного к себе и людям, человека, находящего свое место в жизни, свое будущее после долгих и мучительных исканий.

Бирюков принадлежит к тому поколению, юность которого прошла в окопах. Возвращаясь после ранения к мирной жизни, он чувствует себя неустroенным, растерянным. Андрей спрашивает себя: «В каком деле я принесу больше пользы, чем я люблю, чему отдать свои силы?» И тут обнаруживается, что никто — ни родители, ни учителя — не подтолкнул его к ответу на этот вопрос. Так Тендриков бросает первый упрек школе, как бы мимоходом отмечает ее оторванность от реальных запросов жизни. Это замечание автор разворачивает затем в целую серию критических атак против устаревшей системы школьного образования.

Единственное, к чему Бирюков чувствует смутное влечение, — это живопись. И вот Андрей — студент художественного факультета Института кинематографии. Правда, вскоре он осознает, что занимает в институте чужое место, что есть люди талантливые его, и находит в себе силы уйти из вуза. Но одновременно он расстается со светлыми мечтами, гордые надежды гаснут в его душе, он становится человеком без перспектив.

Когда же в конце концов направишь свой путь? Этот вопрос возникший вопрос Андрей решает «чрезвычайно» просто. Однажды, бегущим тогда по дороге, он остановился перед вывеской «Областной педагогической инсти-

тута». А почему бы не стать педагогом? Отчаяние, разочарование в собственных силах предопределил выбор профессии.

Некоторые читатели упрекают Тендрикова в том, что автор заставил своего героя случайно избрать профессию. В известной мере упрек справедлив. Возможно, что та резкая критика школьного образования, которую по воле автора несет Бирюков, прозвучала бы убедительней и правдоподобней, если бы она шла от человека, влюбленного в свое дело. И все-таки есть оправдание той трагической образа учителя, которую предает Тендриков. Разве нет у нас людей, ставших педагогами, врачами, инженерами не по зову сердца, а по стечению обстоятельств? Как же им быть, когда, прожив лучшую часть жизни, они начинают понимать, что ошиблись?. Здесь мало констатировать, что в такой ошибке виноваты родители, школа, сами эти люди. Разве они, эти неудачники, не могут быть общественно полезными людьми?

В острой постановке вопроса о судьбе людей, не нашедших свое «я» в молодые годы, вопроса о необходимости насторожиться искать свое будущее и находить его, видим мы большую заслугу Тендрикова.

Андрей Бирюков, поступающий в педагогический институт, обретает как будто бы душевный покой: «Вузу жить, буду трудиться, буду приносить скромную пользу людям». Но когда человек заранее говорит себе, что будет приносить людям лишь скромную пользу, он заранее оправдывает свою неспособность к взлету, к мечте. И в личной жизни Андрей столь же прозаичен, как в общественной. Андрей женится без любви на однокурнице Толе, они заканчивают институт и уезжают работать в село Загорье. Сельские учителя? Ребенок, хозяйство, тихие радости и неглубокие печали... Однообразное существование, «до тошноты знакомая тропинка в школу». Покажи, ничто в нашей литературе не сказал так резко — неоправданно резко — об отрицательных сторонах педагогического труда, как это сделал Тендриков. Суровый и, думается, не объективный приговор выносит писатель сельским учителям.

Пролетит пять лет в жизни Бирюкова — учителя русского языка и литературы. И вот он «стал уставать от уроков, в самом начале учебного года мечтать о ванильном нове его захлестывает волна тоскливого дум. Неизлечимо возвращается в учителя-пендешки Андрей начинает ощущать неприязнь к своей жене, всегда двойной жизнью, сближается с женщиной, которая станет впоследствии его любимой, спутником его жизни. Валентина

Павлова тоже не нашла своего призвания, ей близки искания Бирюкова. Личные и общественные отношения героев завязаны в тугой узел.

Как жить дальше? После долгих раздумий Андрей находит единственно правданный выход. Нужно заставить себя полюбить свою профессию, найти в ней жилые источники творчества. Бирюков жадно читает педагогическую литературу, беспоощно анализирует свои собственные уроки, достоинства и недостатки товарищей по работе, ищет и находит новый путь в преподавании. Так раскрывается основная идея романа: человек счастлив только тогда, когда он ищет, дерзает, мечтает, когда жизнь его освещена высоким идеалом. И дерзавать может и должен каждый человек, пусть даже и заурядный.

Но именно те страницы, где описано переживание Бирюкова, являются в романе самыми спорными.

Убедительно показывая, что практически деятельность учителя подводила Андрея к мысли о необходимости перестройки школы, Тендриков в то же время суживает душевный мир своего героя, рассматривая изменение его взгляда вне зависимости от общественной жизни страны. В сознании Бирюкова почти не отражаются перемены, которыми была так богата наша жизнь в последние годы. Круг размышлений героя ограничен «местными» явлениями: он и класс, он и директор, он и Толя... Поэтому внутреннее «прозрение» Андрея не воспринимается как необходимое, типичный процесс. Возмущ Бирюкова не существует атмосферы тревоги за воспитание детей, большинство его коллег удовлетворены своей жизнью и работой, педагогическая пресса переполнена сколаптической профессора недаточны не хотят никаких перемен, партийные органы набегать вмешательства в школьные дела... Однички — сам Андрей и преподаватель физики Василий Тихонович Горбылев — бунтуют. Красны стужены до предела. И это вызывает беспокойство за дальнейшую творческую судьбу автора.

Тендриков не всегда справедливо оценивает школу, не всегда точно представляет себе особенности работы учителя. Перехода к описанию первых шагов перестройки школы, Тендриков вступает на зыбкую почву, у него не хватает жизненных наблюдений. Изменилось отношение к перестройке, беглым, образам и поступкам схематичными — а ущерб художественности. Упрощены образы единомышленников Бирюкова — Василия Тихоновича и Олега Полянского, вставлены образы противников директора, зав-

уча, завромю. Даже образ любимой Андрея — Валентина — писан без тендриковской выразительности.

Но самый главный просчет Тендрикова состоит в том, что он выдвинул в качестве позитивной программы неудачник, отняв от школы педагогический прием «организованного диалога», который кажется и автору и герою романа радикальным лекарством от болезни школьной системы. Суть этого приема состоит в следующем: постоянно меняющиеся пары учеников обучают друг друга (спрашивают, ставят оценки друг другу) по подготовленным учителем карточкам-вопросникам. Вызывает, конечно, недоумение, почему Бирюкову — образованному педагогу — этот прием оказался новым. На самом же деле он представляет собой вариацию возникшей в XIX веке без-лаикантерской системы обучения, когда — после внедрения учителя — старше ученики обучают младших, более способные — менее способных и т. д. Попытки реставрировать и в чуждом направлении виде применить эту систему в практике нашей школы окончились полным провалом. В лучшем случае прием «организованного диалога» может применяться учителем как один из частных методов оживления активности учащихся. Если же его раздувать до таких «вселенских» размеров, как это пытается сделать герой романа Тендрикова, то он очень скоро перестает работать, и учитель теряет контроль над классом. Безусловно, что писатель допустил большую ошибку, но разобравшись как следует в существе этого метода, на чем и поймай Тендрикова — критики-учителя. В большой статье учителя И. Оксеновой в «Вечерней Москве» (26 января 1960 года) и в ряде читательских писем, помещенных в «Учительской газете», пристыженная критика романа строится по весьма простой схеме: прием «организованного диалога» порочен — значит, вся книга плохая.

Нельзя согласиться с таким узкопрофессиональным методом оценки литературного произведения. По нашему мнению, несмотря на все просчеты, роман Тендрикова с большой силой утверждает мысль: человек должен дерзавать! Правда, эта мысль не всегда находит прочную опору в художественном построении романа — об этом необходимо было обинков сказать писателю. Однако ценность произведения Тендрикова состоит в том, что оно заставляет читателя задуматься над истинными проблемами нашей жизни.

Е. ГРОМОВ

Дымят заводские трубы.
С каждым днем набирает силу
молодая республика,
строящая социализм.

Фото М. Муразова.

К востоку от Дрездена

Однажды, во время международной ярмарки в Лейпциге, в ресторане пресс-центра мне довелось обедать за одним столиком с тучным господином в золотых очках — представителем крупной западногерманской замочесной фирмы. Подали второе — несколько кусочков жареного мяса. Часть из них тучный господин съел с большим аппетитом, а оставшиеся безразлично отодвинул виной на край тарелки.

— Не из того сорта угля сле-

О, да это печально знаменитый рыцарь «холодной войны» доктор Аденауэр! Отличный сатирический планшэт вызывает смех молодых немцев.

ланы,— связал он, ославившись улыбкой.

Поэме выяснилось, что мой случайный сотрапезник попросту не ест свинины. А его златострота вопреки воле автора прозвучала явной похвалой ученым, инженерам и рабочим химической промышленности Германской Демократической Республики, которые научились творить аистину чудеса. Мясц из угля они, правда, не делают, а вот горячие, красивые синтетические ткани, краски, пластические массы, заменяющие дерево и металлы, они научились производить из самых различных природных материалов, и в особенности из бурого угля, по добыче которого ГДР занимает первое место в мире.

Огромные задачи стоят в семилетие перед работниками бурогоугольной и химической промышленности ГДР. Одним из важнейших рычагов, который поможет им поднять производство на новую ступень, взлететь на новый рубеж в борьбе за социализм, будет строящийся сейчас в ГДР крупнейший в мире бурогоугольный комбинат «Шварце пумпе».

С незапамятных времен на Шоссе F 97 (в Германии все дороги пронумерованы) и востоку от Дрездена, у местечка Хоерсверде, стояла придорожная го-

стинница. А рядом с ней — водной насос, «пумпе», где возницы поили утомившихся лошадей. Вода по желобу от насоса текла странного, темно-бурого цвета. Люди знали: происходит это потому, что под небольшим слоем земли лежат сплошные пласты бурого угля. Поэтому-то и прозвали насос черным, а по его имени и гостиницу — «Шварце пумпе».

Долгие годы нетронутым лежало под землей огромное богатство — «бурое золото». Но вот однажды группа людей задержалась в гостинице дольше обычного. Приезжие ходили по полям, что-то считали, мерили, записывали. А вскоре один из них прибил у дверей придорожной гостиницы фанерный лист, на котором было написано: «Номера строительства бурогоугольного комбината «Шварце пумпе».

Было это пять лет назад. Неузнаваемо изменилось с тех пор все вокруг. На двадцать пять квадратных километров раскинулась стройка. Здесь будут сооружены три крупные электростанции, три мощные комсомольские батареи и три огромные брикетные фабрики, каждая из которых намного крупнее любой из существующих в стране. Дешевое топливо от газового завода пойдет по трубам и предприятиям и в квар-

тиры трудящихся в различных уголках республики. Сто тысяч тонн угля немедленно будет превращать комбинат в конск и бензин, газ и элентроэнергию, в технические масла, смолы и другие сырье для химической промышленности.

Сооружение комбината объявлено молодежной стройкой. По призыву Союза свободной немецкой молодежи из разных концов республики съехались в «Шварце пумпе» тысячи юношей и девушки. За период с начала стройки молодые строители вынули восемь миллионов кубометров земли, уложили полмиллиона кубометров бетона, проложили около двухсот километров железнодорожных путей...

Ии на минуту не ослабевает пульс огромной стройки. А неподалеку, в Хоерсверде, со сказочной быстротой растут красивые удобные жилые дома для строителей и рабочих будущего комбината. Дома выстраиваются улицы, имена которым дадут молодые патриоты, приехавшие сюда навсегда, чтобы построить комбинат и социалистический город, чтобы работать и жить в нем.

Б. ГУРНОВ

«Шварце пумпе», май 1960 г.

Тысячи молодых немцев приехали на строительную площадку, раскинувшуюся близ Хойерсверда. Приехали, чтобы выстроить комбинат и город. Сколько юношей и девушек уже завоевали здесь трудовую славу и всеобщее уважение! Один из них — плотник Гюнтер Рихтер. Друзья говорят о нем: «Хороший товарищ!» И добавляют: «Отличный работник!»

Бригада Шульца борется за право называться коллективом социалистического труда. Каждый день перед своей бригадой собирает строителей на десятиминутный разговор, чтобы объяснить задание, расставить людей по объектам, напомнить о высших обязательствах бригады.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПОДВОДНЫЙ МИР

Все мое походное снаряжение — маска и ласты. Передо мной таинственная страна с дремучими зарослями, долинами, кручами, мир, населенный удивительными существами. Сзади громоздятся каменные острова, виднеются домини Гурзуфа, выше — четкие ряды виноградников, и над ними — мягкие очертания Крымских гор...

Толщу воды пронизывает солнечные лучи, уходит вниз колеблющийся столбом. Вокруг разлита нежная синева, усыпанная серебряными бликами мелкой рыбы.

Внизу, в зеленом полумраке, видно дно. Впечатление такое, будто у тебя выросли крылья и паришь высоко в небе над далекой землей. Проплывают лесистые горы, глубокие ущелья, широкие долины. А вот вдаль убегают песча-

ные барханы пустыни с редкими оазисами...

Неожиданно замечаю сарганов: небольшая стайка плывет почти рядом со мной у самой поверхности воды. Необычен внешний вид этих рыб: вытянутое, как у змеи, голубоватое тело оканчивается длинным зубастым клювом. Да и плывут сарганы, по-змеиному двигая туловищем. Стайка вышла на охоту: их добыча — мелкая хамса. Перед скалами, будто на страже, расположились небольшие, темные цвета рыбы, прозванные морскими собаками за то, что их пасть наполнена множеством мелких зубов. Несмотря на свою «свириплую» внешность, это настоящие травоядные, или, скорее, «водорослеяды». Целый день пасутся они в зарослях водорослей, пощипывая нежные веточки багрянок.

И вдруг мирная картина рушится. Из-под камня стрелой бросается темная тень, в разные стороны разлетаются переплывки — пестрые окрасленные рыбы, а у камней в облаке ила разглагольствуют подводная трагедия: один из обитателей этого безымянного уголка исчезает в широкой пасти ерша-сиорпены.

Скоро, однако, все успокаивается. Облако ила оседает, и я вижу сиорпену, которая затаялась у камня в ожидании новой жертвы. Большая голова с выпуклыми глазами усажена колючими и каиникто наростами. Несообразно маленькое туловище голорысчат большими плавниками. Вся рыба окрашена в бурый цвет с неопределенными узорами. Это делает ее почти незаметной на морском дне, среди камней и водорослей. Дей-

ствительно, ничем не круглый камень: да еще поросший кустарниками водорослей.

Но вот впереди мелькнул широкий светлый блик, второй, третий... И точно же пестрый подводный мир, как бы расплывался, отходит на второй план. Передо мной остаются один только серебряные вспышки в глубине моря. Бефаль — цель моего путешествия. Все ближе и ближе приближается рыба! Голубовато-серая спина, чуть заметные полосы вдоль серебряного бока, вытянутое, сигарообразное туловище. Неторопливые, плавные, полные скрытой силы движения! Но в момент тревоги все преобразуется. Мгновение — и, как серебряные молнии, исчезнут испуганные рыбы в голубой дали.

Николай ТАРАСЕНКО

Под синим зеркалом

То свернуло,
То смеркло,
То — вютымах до поры...
Это синее зеркало
Разлучает миры.

На него наткнётся,
Замутит и отпирнуэ,
Слизу — губы кефалей,
Сверху — клыки бакланов.

Только —
Слизу ли, сверху ли —
Сквозь него не пробьётся!
Отражаются в зеркале
Рыбы,
Звезды,
Птицы.

В зеленую линзу лагуны
На дно не устанешь смотреть.
Монеты желтеют, как луны,
А плавки сверкают, как салдаи;
Все кажется ближе на треть
В зеленую линзу лагуны.

Там камбалка кажется скатом,
А с камня — безгласней, чем князь,
Кленшию выставила совавтором,
Таранится крапчатый краб.

Какже так ступают каады
И дремут под веткой

цастозьрми!
Какие обломки Эллады
Еще до мутнее не дождаи!
Что ведают скалы про голод
Присоснаых намертво мидий!

И так она дарит привнеоит,
Колумбово сладость открытий!

Вон что-то мелькнуло — и смачу
Пронало. Зарылось в пески.
Нырять ты, намыр руки
В песок запущаешь, как драгу...

В подводном лесу не в страхе —
У страсти глаза велики!

Баллоны акваланга
Мне на спину легли,
И зиполавет вага
Привычный мир земли.

Плыву дорогой донной,
Привизан к жизни всей
Линьк только тупой тонкой
Воздушных пузырей.

Вот нависает глыба —
Длинне корабля.
Лениво ходит рыба
У скользяго руля.
А вшит — как будто бухта
Разбузнушего капюта:
То наскочила в бухте
На чью-то сеть ребята.

Ножом елжух около,
Старавсь размотать, ее.
Травивси очку окули
На хитрое занятии.
Покаже, что не чуждо им
Участи в труде,
Раз люди себя чувствуют,
Как рыбы, в воде!

Сейчас мне они сплывают. Мелькают белые полуушкина губ: кефалью норкитса, подхватывала мельчайшие живые существа с водорослей и камней. Это наиболее удобный момент для охоты.

Осторожно заплываю в хвост став со стороны моря: в этом случае кефалью ремень замечает плывущего человека. Еще шевелью ластами: рыбы отлично слышат. Расстояние между мной и ставом постепенно сокращается, вот уже остается метров пятнадцать. Нырять почти отвесно. Скорей на дно, за камнем! Осторожно оглядываюсь — рыбы по-прежнему сплывают. Принимаюсь и самому дыню и удерживаюсь за большому валуны и водорослями, подбираюсь все ближе и ближе к голубоватым тучам. Все труднее оставаться под водой, все сильнее и сильнее влечет обратно к поверхности. Возникает нестерпимое желание выдохнуть воздух. Но еще усиле, еще бросаю до вет этого обломка скалы, за которым можно укрыться, а там можно уже будет стрелять. Неожиданно вперед из-за камня поднимается кефаль и тотчас же бросается прочь. Преследование можно не продолжать.

Как труднее сейчас подплыть незамеченным! Стоит полный штиль: отстоявшаяся вода кристальной прозрачности, не шумит морской прибой. Поэтому рыбы замечают любой движение, слышат мельчайшую шум. Необходимо изменить привычку охоты. Отплываю в сторону, чтобы дать возможность ставу сплывать вернуться на прежнее место.

Не спеша плыву вдоль каменной гряды. Малово растилается песчаная отмель, направо — причудливые глыбы камней. Рядом поднимается подводная скала, пологая на нос скользяго корабля. А вот и ватросы — вездесущие морские собаки. Есть и капитан — большой пучеглазый краб. Сигнал тревоги — и новмада корабля бросается в трюмы-щели. На палубе не остается, нан и положено, один хитрый клитган. Плыву дальше, а на корабле, видимо, уже сигнал «все наверх», и дружная новмада высыпает на палубу.

Однако приходится прервать эти интересные наблюдения: слева и вправо мелькает мысль: что, если становать сверху, непосредственно над ставом? Прием необычный,

но попытаться надо: ведь подо мной глубина метров семь-восемь, ленту я на поверхности воды неподвижно, и рыбы сейчас вряд ли меня замечают. Вот они уже подо мной. Бесшумно устремились прямо к середине став. Внимательное сосредоточено до предела. Остается пять, четыре, три метра — и тут рыбы меня замечают. Мгновенное очтенеение, но я уже нажал на спусковой крючок ружья — и бьется, пробитая гардунои, большаша кефаль. Быстрый бросок вперед — и рыба уже трепещет в моих руках.

Вот она, заветная цель! Ради этого стоит пройти по берегу километры под палицами солнцем, нырнуть десятки раз, а иногда и померзнуть, плавать многие минуты в холодной воде...

Усталый, долго ленту на нагретых за день камнях. Белой пеной подбегает к самым моим ногам волна. Вот и закончился еще один день. А завтра вновь будет продолжаться мое увлекательное путешествие.

Ю. АСТАФЬЕВ,
инженер

ванн — помните, что в основе закаливания должен лежать принцип постепенности, принцип перехода от слабого раздражителя к более сильному.

Наиболее слабым раздражителем является воздух. Для того, чтобы привыкнуть к таким температурным, необходимо принимать комнатные воздушные ванны продолжительностью от 10 до 15 минут, увеличивая постепенно это время. Встав утром с кровати, проветрите комнату, походите в тру-

сах и майке, проделайте ряд упражнений утренней зарядки.

Что касается водных процедур, то начинать их опыт-таки надо постепенно. Однако зимой наиболее можно просто обтираться или принимать душ. Летом добавляется купание.

В начале обтираний температура воды должна быть близкой к температуре кожи тела, то есть не ниже 30°. Постепенно ее можно довести до 18°, а иногда и ниже. И только затем следует переходить к обливаниям. Критерием полезности таких водных процедур является самочувствие. Если вы без особого удовольствия приступаете к обливанию, значит, температура воды слишком низка и ее нужно повысить.

Летом часто можно увидеть такую картину. Человек плавает 10—15 минут, потом вылезает на берег, лежит на солнышке, греется, а затем опять отправляется купаться, и так несколько раз. Полезность таких повторных купаний сомнительна. Но, с другой стороны, у него хаотич выдержки следуют совету врача, заключающемуся в том, что нужно сначала полежать на песке и только потом искупаться один раз! Какой же компромисс можно предложить? Нам кажется, что если приходится в воде такой срок, чтобы не ознобить, а потом полежать на песке, греться на солнце доста-

точно долго — конечно, в зависимости от погоды, но не менее 15—20 минут, — то повторные купания не принесут вреда.

И, наконец, о солнце — самом сильном закаливающем средстве. Лучи солнца вызывают усиленный приток крови к сосудам кожи, укрепили ее, вызывая в ней усиление обменных процессов. Кроме того, начинается образование особого вещества — меланина, который окрашивает кожу в бронзово-коричневый цвет. Не говоря уже о том, что длительное пребывание на солнце может вызвать ожог, есть еще опасность. Дело в том, что ультрафиолетовые лучи, проникающие в кожу и доходящие

до капилляров, по которым движется кровь, обладают способностью разлагать красные кровяные тельца — эритроциты. Так как защищающий капилляры меланин вырабатывается постепенно, то, пока загар нет, при каждом облучении солнцем распадаются некоторые количество эритроцитов. Особенно отчетливо это ощущается вначале. Вечером вы чувствуете легкую озноб — это так называемая «солнечная лихорадка», вызываемая распадом эритроцитов. И вот если человек будет чрезмерно злоупотреблять солнцем, то количество эритроцитов в его крови резко уменьшится, упадет кислородная емкость крови и сердце вынуждено будет перегонять ее значительно больше, чем прежде, и переутомится.

Загарать надо тоже постепенно. Лучше не лениться, а ходить или стоять. Прием солнечных ванн стоит начинать с нескольких минут, а потом, когда появится загар, можно загорать и часами. Следует знать, что лучи солнца наиболее активны, когда падают перпендикулярно, поэтому утром и вечером можно дольше быть на солнце, чем днем.

Итак, если вы хотите быть здоровым и крепким, дружите с солнцем, водой и воздухом, но помните об особенностях их характера. **Б. НИКИТИН,**
доктор медицинских наук

ный буднички унижается рядом с фарфоровым подсеющим, термос — со старинной сахарницы, огромный, старомодный буфет — с обтянутой современной лентой.

Прекрасные для своей эпохи вещи (например, кресло стиля «ампир»), вышедшие из естественной для них среды, кажутся негармоничными и нелепыми.

Чтобы мебель и другие предметы могли гармонизировать друг с другом, они должны иметь какие-нибудь общие стилистические черты. Надо добиваться современности не только в одежде (за этим мы следим больше), но и во всех без исключения предметах, которые нас окружают: начиная с мебели и кончая пеленальней, чернильницей, дверной ручкой.

Надо сказать, что не бывает «чужа вообщем». Свои особенности и свою прелесть имеет, например, и уют сельского дома. В отличие от городского сельский дом неотделим от окружающей природы, от галисадника, огорода. Обходя такой дом, вовсе не обязательно оглядывая стены обоями или штукатурить их, — ияелтое, чистое дерево бревенчатой стены очень приятно на вид, придает комнате особую теплоту. Мебель здесь должна быть более легкой, светлой. Домотканые полосатые

дорожки красивые и уместны там же, как и легкие белые или яркие ситцевые занавески.

Но часто бывает так, что вещь, которая в магазине казалась привлекательной и красивой, внесенная в комнату, вдруг становится скучной и неинтересной. Оказывается, она не подходит к тем предметам, среди которых должна находиться.

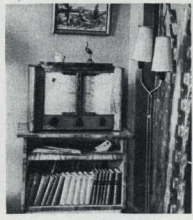
Поэтому, покупая что-либо, будь то мебель или самый мелкий хозяйственный предмет, обязательно задайте себе вопрос: а где я это поставлю, как это будет выглядеть в соседстве с другими предметами и именно в моей комнате, а не здесь, в витрине магазина, где подобраны вещи более или менее однородные?

Многие в оправдание своей небрежности, безразличия или дурного вкуса говорят все свои неудачи свалить на магазин: в них, мол, нет красивых вещей. На самом деле это не так.

Конечно, не все, что продается в наших магазинах, по-настоящему красиво. Однако из того, что есть, всегда можно выбрать лучшее, наиболее подходящее к вашей комнате. Надо только внимательно относиться к этому вопросу, постоянно совершенствовать

Плохо.

Хорошо.

свой вкус. Если вы разовьете свой глаз и вкус настолько, чтобы сразу уметь определять эстетическую ценность вещи (причем именно эстетическую, так как часто бывает, что дорогая вещь оказывается аллюватой и безвкусной, а де-

шевая — простой и изысканной), определять ее соответствие вашей комнате — считать, что вы умеете сделать поделка. Расстояние и различение мебели — задача куда более легкая. Но об этом мы поведем в следующий раз.

ЖАК, НАШ ДРУГ

Монпелье — маленький городок на юге Франции, расположенный недалеко от Марселя. Жак вырос в этом зеленом городе, как называют Монпелье его жители. Отец Жака — стриж Дюкро — работает контролером на железной дороге. Семья у него не маленькая — девять человек детей, так что образование Жака досталось нелегко. Жак окончил педагогический техникум и недавно получил долгожданный диплом преподавателя начальной школы.

В 1957 году, когда он еще был студентом, ему удалось попасть в Москву на Всемирный фестиваль молодежи. Эта поездка стала переломным моментом в жизни парня из Монпелье. Москва, советские друзья, энтузиазм народа и широкие перспективы у молодежи — все это захватило молодого француза.

«...Могу сказать, — пишет Жак в письме одному из своих московских друзей, — что Франция — это моя первая родина и Советская земля — моя вторая большая родина. Конечно, я очень их люблю!»

Разве можно вернуться домой без русских сувениров?

— Давайте переписываться с вами, — предложил Жан в классе московской школы-интерната № 19 и написал на доске свой адрес.

Фото Г. Дубинского.

Каждый год, сэкономив свою двухмесячную зарплату, Жан приезжает в Москву и две недели живет, как он говорит, «советским человеком».

Среди москвичей у Жака много друзей. Но есть один дом на Ордынке, куда он заходит обязательно. Здесь живет Тана Тиханова — молодая швея одного из московских ателье...

Все обитатели этого дома встречают Жака как своего старого друга. Сразу же во дворе завязываются беседа, бурные споры, обсуждение международных проблем. Жак — горячий сторонник франко-советской дружбы. В одном из своих последних писем Тане он писал (Жак изучает русский язык и уже может писать по-русски): «Теперь у нас есть ваш президент Хрущев. Надеюсь, что наш и ваш президент будут делать все для мира. Надо обязательно мир — миру!»

Правильно, Жак! Многие разделяют твои надежды. Привет тебе, парень из Монпелье! Мы с удовольствием говорим тебе: «Жак, наш друг!»

К. ВИШНЕВЕЦКИЙ

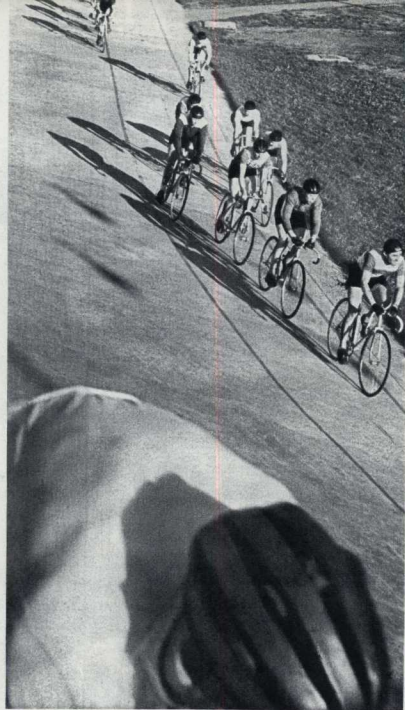
«Каждый день думаю, мечтаю о Москве, — пишет Жан в письме Тане Тихановой. — Ах, любимая Москва, как ты мне родна! Ах, русская земля, ах, русская красота!..»

Работницы швейной мастерской встречают Жана как своего старого друга. «Передай привет молодым французикам!» — просят они.

Жан любит свою профессию педагога. Поэтому в первые же дни своего приезда в Москву он посещает школы. «Эх, если бы у нас в школе были такие же условия!» — вздыхает Жан.

Друзья встречаются вновь.

ОБ ОДНОМ РИСКОВАННОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ И ДВУХ ПЛОХИХ ОТМЕТКАХ

ГОТОВЫ ЛИ НАШИ ВЕЛОСИПЕДИСТЫ К ОЛИМПИАДЕ?

Спустя несколько дней после окончания XIII велогонки Мира состоялось заседание президиума Федерации велосипедного спорта. Разговор был, как называется, крупным. Еще бы! Наши велосипедисты готовятся к поездке в Рим, на Олимпийские игры. Одним из этапов подготовки к Риму должна была стать для них велогонка Мира. Как же могло случиться, что советская команда, трижды привозившая на Родину большой хрустальный кубок — приз за победу в общекомандном зачете этой гонки, — на сей раз потерпела поражение, заняв лишь третье место? Слабый состав? А почему слабый?..

И мне вспомнилось, как ровно год назад, на другой день после финиша XII велогонки Мира, мы стояли со старшим тренером нашей сборной Леонидом Шелешевым на ступенях подъезда Дворца культуры и науки в Варшаве. Говорить о прошедшей гонке не хотелось: она была окончена, и кубок уже укладывали в огромный ящик, готовя к отправке в Москву. Мысли устремлялись в будущее.

— На тринадцатую мы первую сборную не пошлем. Второй состав поедет, — сказал Леонид Михайлович и в ответ на мой вопрошающий взгляд пояснил: — Сильнейших — на олимпиаду и первенство мира!

Мно кажется, я не буду даже пытаться, если скажу, что именно тогда, в Варшаве, выпал первый камешек на фундаменте нашей победы. «Тренерский совет решил, федерация приговорила» — прямо как в старых сказках. «Большой запуск» был должен надое. Но поскольку премьерам необходимы дублеры, на гонку Мира готовились уже не второй, а третий состав сборной..

И вот теперь, пока президиум Федерации спорит о том, как оценить выступление команды, какую отметку ей поставить — тройку или двойку (другие предположений нет!), — попробую разобраться в том, что же произошло на XIII велогонке Мира.

Можно рассуждать просто. ГДР выставила сильнейшую команду. И эта команда победила! «Вудерманншафт» («Чудо-команда») — так окрестили ее в пече-

ДВАДЦАТЬ ИНТЕРВЬЮ ЧЕМПИОНА МИРА

Из «устной записной книжки» Михаила Талья

Я познакомился с гроссмейстером Михаилом Тальем в феврале нынешнего года в Риге. Гроссмейстер, который просил именовать его просто Мишей, успевал все: несколько часов в день заниматься с «маэстро» (так он издавна почтительно именуется своего шахматного учителя и друга мастера Александра Кобленца), непременно побывать в своей милдой, занимающей одну комнату редакции журнала «Шахс», непрерывно читать, слушать музыку и изредка самому играть, а самое главное — запоминать бесчисленное множество шахматных вариантов. Я обратил внимание на то, что Таль никого не записывает.

— В марте мы с маэстро будем в Москве, и я, конечно, сразу вам позвоню, — сказал мне однажды Таль. — Какой у вас номер телефона?

Я назвал. Таль подошел и ролю и сыграл крошечную плавку из шести нот.

— Почему же вы, Миша, не записываете? — У меня нет обычной записной книжки. Я все запоминаю, — сказал он, проиграв снова те

же шесть нот. — Вот это — номер вашего телефона. Приеду в Москву и сразу же позвоню.

И действительно, мартовским утром Таль позвонил... С тех пор минуло два месяца его напряженной борьбы за мировую шахматную корону. И в Москве мы почти ежедневно встречались и беседовали с юным рыжиком. Так называли его Талья и получил у него и записал для памяти несколько десятков неожиданных и разнообразных интервью. Они датируются 1 февраля — 10 мая 1960 года, начались в рижской квартире нынешнего чемпиона мира и кончились пятнадцатым вечером в Московском театре имени Пушкина, после того, как смущенный и чуть растерянный юноша неловко несе на себе лавровый венок...

Вот они, некоторые из многих страниц «устной записной книжки» чемпиона мира гроссмейстера Михаила Талья, которые я публикую с его согласия и разрешения.

Н. МАР

* — Что вы скажете о предстоящем матче с Ботвинником и о своем противнике?

Я думаю, матч должен быть интересным. Своими мыслями противника я старательно поделюсь с вами после матча, а сейчас лишь замечу, что Михаил Моисеевич Ботвинник — молодец и останется не только главой советской шахматной школы, но и самым крупным шахматистом современности. Все же в последнее время его крылово. Его «руководящую руку» чувствуют на себе шахматисты всего мира. Я не собираюсь вам особую новость, если скажу, что встреча с Ботвинником — мое давнишнее желание, как и желание все шахматистов.

* Великий Ласнер считал шахматы борьбой двух интеллектов. Алехин отнеслся и к ним, как к искусству. Ботвинник относится к ним, как к науке с ее несомненной внутренней логикой, закономерности... Но если помнить, что, кроме этого, существует еще и элемент творчества, следовательно, что-то вполне назвать их борьбой. Вероятно, все эти точки зрения имеют право на жизнь. В каком случае, совершающую силу суждения Михаила Моисеевича и вот ощутил, можно сказать, совсем рядом, в Мюнхене, когда мы вместе играли на командном первенстве мира. Сила Ботвинника проявила тогда на меня потрясающее впечатление. А сейчас, увы, она мне несколько удручает... Почему? Потому что и видел могущественную логику ученого, имеющего дело с точными науками. Естественно, филологам, спортивным писателям с художественными образами, вымышленными ситуациями, в этом случае куда сложнее... Тому же и тренер Ботвинник, мастер Гольдберг, кажется, хотя почему-то и утверждают, что шахматисты выбирают тренеров по своему образу и подобию.

* Вы спрашиваете, что такое проксиодит сейчас в шахматном мире? По-моему, придет

ти. Я разговаривал со знаменитым в прошлом чешским велосипедистом Властимиром Ружичкой. «Раз в десять, нет, раз в двадцать лет можно забыть победную колдакцию!» — восхищенно сказал он. Шестерка немцев спортсменом представляется собой олимпийские кадры ГРР. Тренер команды Герберт Форбод говорил мне, что его парням предстоит еще преодолеть великий поединок с велосипедистами ФГР, отборочный для создания команды объединенной Германии. И тренер уверен: в Рим поедут исключительно его питомцы!

После приезда из Берлина я снова беседовал с нашим тренером Пешевшиным.

— Немцы выставили такую сильную команду только потому, что узнали об отсутствии наших сильнейших гонщиков, — заявил Леонид Михайлович.

Так ли это? Думается, нет. Соперники заставляют два фактора: спортивные особенности велогонки Мира и общий характер тренировочного процесса спортсменов ГРР.

Здесь нужно говорить в первую очередь о различных принципах подготовки команды. Наши друзья из Германской Демократической Республики считают: соревнование — лучшая тренировка. Недаром так богат их календарь, недаром сам подготовительный процесс обязательно включает раз в неделю гонку по кольцу протяженностью в 150—200 километров. Наши же спортсмены в подготовительный период «накаывают» изрядное количество километров, но в соревнованиях встречаются лишь один раз. Соревнование — лучшая тренировка советских спортсменов, где 16 молотов четыре дня опаривают паре ехать на гонку Мира (принимая заранее знание, что больше всего капризничает федерация утвердила априори).

И думается, что весенняя неудача советских гонщиков объясняется этими живыми ошибка-

ми в наших тренировочных принципах.

Помогите, однако, что представляет собой наша шестерка. Говорить об ее молодости и неопытности было бы неправильно. И по возрасту и по спортивному опыту, взятому чисто хронологически, основные наши соперники — команда ГРР, Велтинг — молодые нас. Но, как выяснилось, наш оплот не заменяет опыта международного.

Чего наши спортсмены не умеют?

Во-первых, держаться в «головке». Весь концерт заключается вот в чем. Гонщик, идущий в группе первым, вынужден принимать на себя сопротивление воздуха, прикрывая грудью остальных. Это явление, через какие-то мгновения, «проведя свою смену», он уходит в сторону и назад, чтобы уступить место другому. Скажем, отошел наш спортсмен, ждет, чтобы отошел наш спортсмен в группе. А группа проходит мимо, и ни щелчок не видно в плотном аэро. Никто не хочет уступить сопернику «свободный ступ». Приходится пристраиваться в самый хаос. А отсюда попорубы, выбери обратно в «головку». Немцы действовали продуманнее: они всей шестеркой держались вперед и четко «рокировались» между собой. А наших спортсменов сразу после старта точно шаром расбрасывало в разные концы группы.

Почему так важно держаться в «головке»? Да потому, что на гонке Мира — это одна из главных черт, отличающих ее от остальных многодневных, — рыска, попытка ухода следуют за собой в такт минуте, на уровне. Каждая пятая минут — и так в течение четырех часов! Надрываешься, аж в глазах темно, не жалеешь себя, не жалеешь время наши ребята.

Мы особенно сетуем на падение. «Не везет, что поделаш!» И вдруг гор жалоб прорезает один трезвый голос: «А может,

вы, братцы, сидеть не умеете?» И не хочу ни в чем обижать маленького мужественного Мишу Курбатова, который словно собиравшаяся в последний момент, предназначившая по крайней мере десятку гонщиков. Несмотря на травмы, он самоотверженно продолжил борьбу. Но недаром товарищи окричали: «Он как ундина задал — глаза закрывает и обехать не может, презате!»

Потом — и об этой беде говорили неоднократно — мы вновь очень неустойчиво функционировали на гонке дорожке стадиона. В Людвиге Гайнае Сайджукин мог одержать вторую победу, но, как обычно говорят велосипедисты, «не впился в выраж» (на довороте вынесло к стороне от бровки). Его обшили двое, и он остался лишь третьим. Неоднократно падали наши спортсмены на стартовой — и Ючюк и тот же Курбатова.

Да, настоящей школой, настоящей техникой еще мало! Вот и поэтому я с полной ответственностью утверждаю: большего, чем добился в этом году именно эти шесть спортсменов, они добиться не могли!

Вот, например, горьковчанин Александр Ючюк. На первых этапах выиграл гонки, но выиграл, в чем дело! А сам не мог понять, в чем дело! И дело в том, что у Ючюка нет закала международных спортивных свектор. Совсем по-другому проявил себя двенадцатилетний челобинский рабочий Гайнае Сайджукин. Както в теги был он дома, а тут словно расцвел. Поинтема мало кто из ведущих спортсменов Европы обладает осознанием таких «реактивных» спуртом. Однако и главная беда Гайнае проявилась наглядно: нерачетливостью, машинальная горичность. Тридцатилетний Павел Вострикович, капитан команды — пятый раз участвовал в велогонке Мира. И, видимо, не поделаше. Такое трудное соревнование — для молодых. Средний возраст его участников двадцать три

года. Вложили свое дело в общее дело и младшегородный эстонец Агус Вранас, и наш воспитанник, выигравший ленинградского Анатолий Оларенко, и харьковчанин Михаил Курбатов. Да, они сделали все, что могли! Но люди, пославшие их на соревнования, должны предвидеть результаты своего эксперимента.

И еще на одном вопросе нельзя не остановиться. Когда мы спрашиваем, каких из велосипедистов выступала советская команда, мы предпочли отмалчиваться. Дело в том, что до сих пор ни в одной из гонок Мира советские спортсмены не были в числе победителей отечественного производства. В нынешнем году половину нашего боевого арсенала составляли французские «ЦНН», вторую половину — немецкие «Диманты». А отечественного по существу, деятельность отечественного производства — задняя шестерка, или, как ее еще называют, «третчок», изготовленная Харьковский заводом велосипедов, не вошла в команду столько неприятностей, что спортсмены невелико шутили:

— У нас нынче не девятнадцать, а двадцать советских. Двадцатый — третчок «ХВЗ». В чем причина? Почему мы до сих пор не имеем своей модели велосипеда, способной конкурировать с зарубежными? На этот вопрос нам придется ответить работникам нашей промышленности...

Итак, вернемся к тому, с чего начали. Идет заседание президиума Федерации велосипедного спорта. Решается, какую отметку поставить команде Двойну? Пусть так. Но после этого нам, читателям, придется, причем тоже неудовлетворительно, заслушивать и те, кто намерен пропустить ее в графе протеста заседания — сами члены президиума Федерации? С. ТОКАРЕВ.

«Автограф! Помалу!» — Михаил Гали нова и снова останавливаясь в улицах Москвы.

Фото Г. Дубинского.

всего надо отметить появление многих сильных шахматистов примерно одного класса. Отсюда и немалая школа прочно занимает традиционное первое место. Ей пока ничто не угрожает. В первую группу шахматистов во главе с Галиновым идет Югославия. В Аргентине шахматистов возглавляет Панино, а в США — Фишер. Последний, несомненно, крупный шахматист-профессионал, хотя в общественной жизни он производит впечатление не очень развитого и не слишком развитого пареня. Заминутый, неряшливый, он показан мне в Югославии настоящим шахматным Фиделем. Мы сыграли с ним шесть партий; первые две были ничьи, четыре я выиграл. Но Фишер был и постоянно созерцал всю гамму переживаний

сих его чувств. Конечно, проиграть намному обидно, но вряд ли слезы — лучшая аргументация. Во всяком случае, Фишер — большой мастер!

Моя вторая специальность — учитель русского языка в школе № 22. Преподавание и преподавал в школе № 22. Преподавание мне очень нравилось. Ученики тоже, видимо, были довольны. Особенно тем, что четыре месяца в связи с различными соревнованиями я отсутствовал не устроившись.

Когда начали поступать письма в связи с моим отъездом. Сразу же после жеребьевки пришло много писем и телеграмм. Одной из первых,

между прочим, отличилась тбилисская девушка Майя Асратян. Она советовала мне играть агрессивнее, поинтема. Словно «Слово стях». Конечно, это дельный совет. С ним можно вполне согласиться. Но в то же время, учитывая инстинкты Гостраха, которые решили мне «застрелать» против всех паронимов, ява согласится не могу. Вспомогательная партия в матче с Ботвинником — это, конечно, возможно только в Гострахе.

Итак мы и матово готовимся и матч! Приходите — увидите! Дебютной подготовке мы уделяем сравнительно мало внимания. Намеченные партии, конечно, поинтема партии, столько нас привлекают. Мы их изучили и изучаем, отыскивая варианты. Не выигрываете ли. Это — очень трудное занятие. Ну, а кроме этого, — шахматная периодика. Все, что опубликовано в последние времена, мы и смотрим. Примерно сто партий в день.

Разговор после первой партии. — Итан, как говорил, начались. В Москве солнечнее, хорошей Зритель спонсорный. А то, дама, опустит занавес и уедет нас с Михаилом Моисеевичем в «Колос». Не выигрываете ли. Да, восьмая партия закончилась. Несомненно человек поинтема, спрашивает: — Почему сдались? Ведь у вас было выигрышное положение?

Поренковал им посмотреть газеты. Там все подробно изложено. Повторных звонков не было.

Итак мы и матово готовимся и матч! Приходите — увидите! Дебютной подготовке мы уделяем сравнительно мало внимания. Намеченные партии, конечно, поинтема партии, столько нас привлекают. Мы их изучили и изучаем, отыскивая варианты. Не выигрываете ли. Это — очень трудное занятие. Ну, а кроме этого, — шахматная периодика. Все, что опубликовано в последние времена, мы и смотрим. Примерно сто партий в день.

Фото В. Тюккеля.

Быстро

Какой простор си-

А лет перед нами! Любим ро-димые места. За-чем искать красоты за морями, лишь такая кра-сота. Вег-да в пу-ти — и с на-ми па-путный ве-тер. Зег-но ид-ти — и сол-нышко светит нам и всех верней на белом свете

Летит что

ты про-хо-дишь сам, — путь, что ты про-хо-дишь сам.

Идем дорогою своей, преграды,
Коль вам наш путь не нравится — не надо,
А мы докажем, чей прямой.

*Всегда
в пути*

Песня из кинофильма «Русский сувенир»

Слова Е. ДОЛМАТОВСКОГО

Музыка К. МОЛЧАНОВА

Какой простор сияет перед нами!
Люблю родимые места.
Зачем искать красоты за морями,
Коль здесь такая красота.

Весна, любовь шагают с нами
вместе,
В пути начало всех начал.
Нельзя, никак нельзя стоять на
месте:
Кто стал, тот сразу и отстал.

Припев:

Припев.

Всегда в пути —
И с нами попутный ветер,
Легко идти —
И солнышко светит нам.
И всех верней на белом свете
Путь, что ты проложишь сам.

Давай взлетим в космической
ракете!
Мечта! До солнца долети!
Но знай, и здесь, на нашей на
планете,
Но все проложены пути.

Своим путем идем сквозь все
преграды,

Припев:

Идем дорогою своей,
Коль вам наш путь не нравится —
не надо,
А мы докажем, чей прямой.

Всегда в пути —
И с нами попутный ветер,
Легко идти —
И солнышко светит нам.
И всех верней на белом свете
Путь, что ты проложишь сам.

Припев.

Цена номера 2 руб.

